

ДВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

Владимир Дмитриевич Михайлов

Дверь с той стороны

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181299*

Дверь с той стороны: АСТ; Москва; 2003

ISBN 5-17-016686-9

Аннотация

Признанный мастер отечественной фантастики...

Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая необходимость» – и всем своим творчеством доказавший, что литературные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испытание временем, – и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно, как и много лет назад...

Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче Михайлове.

Не верите?

Прочитайте – и убедитесь сами!

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	35
Глава третья	61
Глава четвертая	92
Глава пятая	125
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Владимир Михайлов

Дверь с той стороны

Глава первая

Инна говорила прерывистым полупшепотом, от волнения не заканчивая фраз; слова торопливо набегали друг на друга. Нынче голос изменял ей – великолепный голос, хрупкий, с придыханиями, он всегда привлекал не меньше, чем облик, а порой и больше. Сейчас голос дрожал.

– Ты придешь сегодня?

– Милая...

Истомин произнес это слово, не думая над ним и не ощущая смысла; слово было привычным, да и сама Инна тоже, с ее матовой кожей, с черными кольцами волос и профессиональной точностью и выразительностью движений. Произнес, и сразу же, по привычке, увидел слово написанным.

– Последний вечер. Последний... Почему все кончается? На Земле ты забудешь меня. Сразу...

– Нет.

– Поцелуй меня. Сейчас. Все равно, пусть видят, все равно. Не хочу терять тебя. Скажи, мы не расстанемся на Земле.

– Мы встретимся.

– Где? Когда? Говори сразу.

– Потом, Инна.

– О, я понимаю, понимаю... Не надо хитрить, милый. Старая женщина – на что я тебе там? Но все равно – спасибо.

– Ты ошибаешься...

Истомин должен был при этих словах нежно улыбнуться. Он и улыбнулся, только позже чем следовало – мыслями был уже не с ней. Он злился на самого себя: предугадывал вопрос, который ему зададут на Земле: «Ну, что вы для нас написали?» А он был где-то на полпути и потерял тут столько времени вместо того, чтобы работать.

– Дорогая... – нерешительно начал он.

– Лучше молчи, – попросила она. – Будем танцевать молча. Как быстро кончился полет...

Полуторамесячный рейс Антора – Земля завершался. «Кит», корабль класса «А», три дня назад удачно вышел из сопространства почти на границе Солнечной системы и теперь, идя в режиме торможения под углом в тридцать градусов к плоскости эклиптики, пересекал последние миллиарды километров. До финиша оставались сутки с небольшим.

Чем ближе становилась Земля, тем быстрее росла уверенность в счастливом завершении полета (мысль о возможной катастрофе всегда гнездится в сознании пассажира), – и уверенности этой сопутствовал нервный подъем. Те отношения, что быстро возникают в путешествиях именно потому, что возникают случайно и ненадолго, все эти мимолетные любо-

ви, дружбы и антипатии вспыхивали в заключительный раз перед тем, как погаснуть и забыться после первых же шагов по надежной поверхности планеты.

По давней традиции, в последний перед прибытием вечер команда корабля давала бал. Ужин кончился, свет в просторном салоне и палубой выше – в саду был притушен, звучала медленная музыка и пахло морем. Ожидали капитана; кое-кто танцевал, неспешные разговоры остальных были полны Землей.

– Позволю себе заметить, администратор: власть, по-моему, сродни любви – чувство, а не профессия. И вот вы, в предвкушении медового месяца...

– Знаете, лучше не надо об этом. – В голосе Карского не было ни малейшего пренебрежения, он говорил искренне. – В полете есть нечто умиротворяющее: человек отрывается от повседневного, пребывает как бы в состоянии психической невесомости. Кроме того, я еще не введен в должность и, откровенно говоря, волнуюсь.

– И напрасно, да будет мне позволено сказать так, – улыбнулся Нарев. – Не помню случая, чтобы избранный на планете кандидат после пятилетнего курса не был утвержден Советом Федерации. Но простите – не слишком ли сух наш разговор?

Он повернулся в кресле и с минуту думал, сосредоточенно глядя на дринк-пульт, пошевеливая над ним расслаблен-

ными пальцами. Администратор смотрел на резкий профиль Нарева, на его длинный, характерного разреза глаз. Впрочем, и без этого в Нареве легко угадывался уроженец Ливии в системе Тау: манера разговора выдавала его, витиеватая, гипертрофированная вежливость. Каждая из обитаемых планет Федерации сохраняла обычаи, манеры, моды и привычки, существовавшие на Земле в тот период, когда происходило заселение именно этой планеты, хотя на Земле впоследствии все успевало уже не раз измениться. Периферия консервативна, подумал Карский. Пусть сообщение между планетами поддерживается постоянно, но прилетают и улетают единицы, а жизнь на планетах развивается в тех направлениях, какие были определены вначале; вот одна из сложностей управления Федерацией. Карский и сам чувствовал себя в первую очередь анторианцем, хотя и старался избавиться от этого ограниченного патриотизма. Ничего, пройдет со временем, подумал он успокоительно. Пройдет...

Нарев уже успел нажать клавиши и теперь ждал. Тихо шуршал механизм, потом сиреневая жидкость наполнила бокалы. Нарев протянул один администратору, откинулся на спинку кресла и поднес свой к губам. Напиток пахнул Землей, тропинками, солнцем.

– На целый год стать членом Совета, – задумчиво проговорил Карский. – По сути дела – возглавить цивилизацию! Трудно не испугаться этого.

– Я вряд ли ошибусь, сказав, что вы готовы к этому.

– Время покажет... А помните, когда ввели эту систему, казалось нелепым: избирать человека, который займет свой пост лишь через пять лет, а до тех пор будет оторван от практической деятельности. Мне и самому не верилось...

– Теперь, если я сужу правильно, вы убедились в ее целесообразности?

– Во всяком случае, это было интереснейшее время. Пять лет назад я уже мог увидеть Федерацию такой, какой она стала только теперь. Пять лет не имел дела с каждодневными задачами, но следил за развитием главных линий, учился прослеживать ветвление и эволюцию потребностей общества. Я уже тогда видел, что за эти годы человек окончательно выключится из сферы материального производства, передав его автоматам и компьютерам. Так что мы – избранные тогда – заранее готовились решать проблемы направления и использования высвобождающейся человеческой энергии – грандиозные проблемы...

– И куда же, если не секрет, собираетесь вы направить нашу энергию?

– У меня есть немало мыслей по этому поводу, но пока они еще не стали мнением Совета, вряд ли я имею право... Да и, кроме того, мы ведь лишь начнем их решать. Разрабатывать намеченные направления станут наши последователи – те, кто и завтра, и еще целый год в своих кабинетах будут продолжать и координировать линии развития, долгими часами совещаться с футурологами и прогносеологами,

как делали это и мы, будут наблюдать за развитием как бы со стороны и гадать о непредсказуемых факторах, возникновение которых неизбежно... Да, система оправдывается. Если не говорить о волнении – оно кажется мне естественным, – я чувствую, что прихожу к руководству во всеоружии.

– И – сколь ни печально – только на год. Это не кажется вам обидным?

Администратор пожал плечами.

– За год работы я неизбежно отстану. Буду координировать уже известные мне линии, но не хватит времени, чтобы следить за всем новым, что возникнет за этот год, настолько пристально, чтобы потом органично вплести его в старую сеть. Это сделают те, о ком я уже говорил – люди, избранные не пять, а четыре года тому назад. Нет, все совершенно разумно.

– Да, – согласился Нарев после паузы, – воистину, система мудра. И это подтверждается: за все время не было ни единой попытки остаться на второй срок. Или еще пример: вы летите на рейсовом корабле, хотя вам наверняка могли предоставить и отдельную машину.

Администратор улыбнулся.

– Мы здравомыслящие люди. К чему зря расходовать топливо? Но не пора ли присоединиться к обществу?

Он встал, чтобы выйти из бара в салон. Нарев покосился на него и тоже поднялся.

– Меня терзает искушение заметить, что понятие здраво-

мыслия всегда было относительным. Как добро и зло, например.

— А вы пытались бы остаться у власти? И летали бы в одиночку на стоместном корабле?

— Я? — усмехнулся Нарев. — Если я чего-то не умею, то, увы, как раз предугадывать свои поступки.

Они неторопливо направились к выходу.

— И еще, — сказал Карский, — всегда надо немного тосковать о том, что кончается. Иначе наступит пресыщение. А в вашей работе не так? Кстати, я и не знаю...

Они остановились в салоне, привыкая к полутьме.

— Осмелюсь перебить вас. Вот человек, которому пресыщение не грозит, — сказал Нарев, меняя тему разговора и указывая кивком на актрису, танцующую с писателем. Карский серьезно ответил:

— Она очаровательна. Но я выбрал бы другую.

— И я догадываюсь кого. Но не соглашусь с вами. Неразумно волновать капитана в полете.

— Тем более, когда предстоит финиш, — сказал администратор и вздохнул. — Да, Земля... А вы надолго в метрополию? Вы хозяйственник?

— Питаю надежду, что вы не думаете этого, — сказал Нарев, чуть изогнув губы в улыбке. — Будь я хозяйственником, я ни в коем случае не стал бы завязывать знакомство с вами, это могли бы расценить как попытку устроить дела своей планеты или округа.

– Вряд ли: вы не анторианин, а я буду заниматься делами именно этой планеты. Вы же, если не ошибаюсь, с Ливии?

– Голос выдает? Противный голос, правда? Рискну употребить такое определение. Но это только при земной плотности атмосферы, как тут. На Ливии наши голоса звучат прекрасно. Кстати, могу ответить тем же: такие смуглые лица, как ваше, можно увидеть лишь на Анторе... А что касается моих занятий, то я путешественник. Самая независимая профессия. Несколько романтизируя, я сказал бы: прихожу без восторга и покидаю без сожаления. И на моей Ливии не был уже много лет.

– Жаль. Я как раз собирался спросить: на этой планете недавно были какие-то осложнения, но я не успел получить информацию и не знаю деталей. Кто-то пытался встать во главе...

– Вы заставляете меня пожалеть о том, что я совершенно не в курсе дела. Живу в пути и счастлив, и не желаю иного. Хотя нет, – порой мне хочется быть капитаном такого вот Алайнера. Вот где подлинная независимость, и судьба окружающих зависит только от вас.

– А знаете, если верить курсу психологии, который я прошел, это ваше желание означает, что вы ощущаете в себе запас энергии и где-то обижены тем, что люди не используют ее по назначению с максимальным эффектом. Я прав?

– Значит, вы разбираетесь во мне лучше, чем я сам.

– Нет, я не замечал за собой такого.

– Простите, если я смутил вас.

– О, пожалуйста, я не в обиде.

В центре круглого экрана капелькой янтаря сияло Солнце.

– Вот он, – удовлетворенно сказал штурман Луговой. – Детка Йовис. Прошу отметить в журнале, капитан: рекорд. Еще никто не выходил на видеосвязь с системой Юпитера на таком расстоянии. Молодец я?

– Это я выясню в Управлении кадров, – пообещал капитан Устюг.

– А вообще, – продолжал штурман, – Солнечная загружена бездарно, нарушена центровка: все планеты на одном борту.

– По прибытии подай рапорт в отдел перевозок, – посоветовал капитан.

Штурман посмотрел на него со всей проницательностью, свойственной (как они сами полагают) людям, чей возраст перевалил уже далеко за двадцать.

– Вы волнуетесь, мастер!

Сколько-то мгновений они смотрели друг на друга молча. Капитан был вдвое старше и на целую голову ниже ростом, и все же чем-то они напоминали друг друга; может быть, ровным, характерного оттенка загаром, что приобретает под корабельным кварцем, или пристальностью взглядов, или неторопливой точностью движений, какой требуют корабли.

– Следить за состоянием экипажа – это моя обязанность, – ответил, наконец, Устюг. – А на моем корабле принято выполнять свои обязанности и не заниматься чужими. При входе в систему обязанность штурмана – следить за курсом и своевременно брать пеленг.

Луговой улыбнулся.

– Не беспокойтесь, мастер. Пока Солнце впереди и Ригаль справа, нам бояться нечего. А скажите, так глубоко интересоваться состоянием пассажиров тоже входит в обязанности капитана?

– Да, – сухо сказал Устюг. – Входит.

– Но раньше в рейсах капитан доверял это Вере. Кто же беспокоит вас на борту «Кита»? Администратор Карский? Путешественник Нарев? Физик? Или Истомин – вы решили, что он напишет о вас книгу? Не старичок же Петров привлек ваше внимание и не футболист Еремеев, хотя он и чемпион Федерации...

Капитан Устюг молча смотрел на штурмана, пытаясь понять, является ли причиной необычной болтливости предфинишная лихорадка, что треплет порой молодых судоводителей, или просто нахальство.

– Мила едет с мужем, – продолжал перечислять Луговой. – Актриса влюблена не в вас. И если только мы не везем зайцев, то это может быть лишь Зоя Серова. А она...

Нет, решил капитан, никакая не лихорадка. Простое мальчишеское нахальство пополам с любопытством.

– Пост-Юпитер уже пять секунд ждет ответа, – сухо сказал он.

– Виноват, мастер, – спохватился штурман. – Прости.

– Ох, и молод ты, Саша, – Устюг вздохнул то ли с сожалением, то ли с завистью. – Вызовешь меня, как только будет связь с Землей.

– Решаюсь привлечь ваше внимание, дорогой администратор: вот человек, который не боится испортить капитану настроение. Ученые вообще немного самонадеянны, вы, конечно, уже не раз замечали это. Некоторая самоуверенность свойственна всем, кто имеет дело с фактами, неизвестными другим. Разумеется, это не относится к присутствующим... – добавил Нарев, увидев, что Карский поморщился.

Физик Карачаров подтащил кресло поближе к Зое и с размаху плюхнулся в него.

– Ути малые, – сказал он. – Крохотные девочки не должны скучать. Сейчас мы улыбнемся. Ну – раз, два! Что же вы?

Господи, и этот не прошел мимо. А ведь целый месяц казался человеком не от мира сего, жил в каких-то иных измерениях и разве что не подносил за обедом ложку к уху. Что делать? Обрить голову? Прилепить нос до пояса? И прилепила бы, не пожалела себя. Но ведь не всякое внимание надоедает, и кто-то один должен смотреть, смотреть до рези в глазах. Ради одного приходится терпеть остальных. Не си-

деть же безвылазно в каюте?

Зоя вздохнула.

– Вы сегодня неузнаваемы, – любезно сказала она. – Закончили, наверное, вашу работу?

– Работу? – Физик, казалось, на миг растерялся. – Нет, к сожалению. Всегда не хватает какой-то недели... слишком быстро стали летать корабли, что ли? – Он моргнул, развел руками. – Или я живу медленно?

Вот об этом пусть и говорит.

– Почему же вы поторопились лететь?

– Вызывали соратники по школе. Научной, конечно. Там завариваются дела...

– Интересно. Расскажите.

Но он не поддался на уловку.

– С удовольствием – когда останемся вдвоем.

Это вышло хорошо, почувствовал Карачаров. Он был сегодня ловеласом, донжуаном, покорителем сердец, и обожательницы валялись у его ног. Так он воспринимал этим вечером себя и весь окружающий мир. Мир этот был условен, и его позволялось вообразить каким угодно: настоящей оставалась лишь математика и то, что можно было выразить с ее помощью. Модели своего личного мира Карачаров строил в зависимости от настроения.

– Боюсь, вы поздно спохватились, – сказала Зоя равнодушно. – Рейс кончается.

– Что такое эти полтора месяца по сравнению со време-

нем, которое у нас впереди!

– Впереди у нас – разные времена. Я недолго буду на Земле. Сдам материалы, истории болезни со Стрелы-второй, проведу контрольный эксперимент...

– На Стреле-второй все женщины так прекрасны? Хотя, конечно, нет, вы везде будете исключением. А что с вами стряслось?

– Со мной? Ничего.

– А болезнь?

Она улыбнулась.

– Болела не я. Хотя, возможно, в науке и останется «болезнь Серовой».

Зоя постаралась, чтобы это прозвучало не слишком самоуверенно.

Физик снова стал на миг серьезным.

– Вы, значит, что-то закончили. Завидую.

– Ну, не совсем еще. Просто оттуда нет регулярного сообщения с Землей, да и с Анторой – редкое. Вот я и воспользовалась возможностью. – Она помолчала. – И потом... просто не хотелось там оставаться.

– А что же дальше?

– Умчусь куда-нибудь, где поглуше, – искать новое заблуждение.

– Зачем же так далеко? Вот я: затронуто сердце...

– Фу, – сказала она, – какая пошлость.

– Могу иначе: хочу, чтобы вы были со мной.

– Вы привыкли четко выражать мысли.

– Не понимаю, почему мне прямо не сказать того, что я думаю. В науке не принята фигура умолчания. У каждого явления есть свое имя, и, отказавшись от него, вы ничего не сумеете доказать.

– Вам не кажется, что вы рискуете?

– Мне нечего бояться: женщина обижается, только если ей не воздают должного. В конце концов поведение каждого человека – и ваше в том числе – сводится к уравнениям. А решать уравнения я привык.

– И что же из них следует? Мне, непосвященной, наверное, не разобраться?

– Кое-что могу пояснить популярно: я – гений. Понимаете? Тощий тип, сидящий рядом с вами и созерцающий ваши колени, – гений. Ну, признайтесь, часто ли гении пытались добиться вашей взаимности? Но я добьюсь ее.

– Ну, спасибо, – сказала Зоя. – Вы меня развлекли.

Она встала и медленно пошла по салону. Упершись ладонями в острые колени, Карачаров глядел ей вслед. В дверях стоял капитан. Зоя положила руки ему на плечи; Устюг помедлил, ловя такт. Потом они двинулись.

Физик поднялся и, широко шагая, вышел. Он миновал коридор и поднялся в сад.

Здесь пахло тропинками, широкие листья нависали над головой. Тихо журчала вода. Кто-то стоял возле пальмы, у которой один из листьев надломился, не выдержав послед-

ней перегрузки. Это была Вера, четвертый член экипажа. Карачаров приободрился.

– Скажите, красавица, ухаживать за членами экипажа разрешается?

– За кем именно – за капитаном, штурманом? Если за инженером Рудиком, то он отделяется от корабля только при полной разборке машин.

Что такое сегодня с женщинами? Все прямо-таки готовы кусаться. Земля – понял физик в следующий миг. Близость планеты, конец рейса. Кончается размеренная корабельная жизнь, и женщины раньше нас перестраиваются на другую частоту. Но еще целый вечер впереди.

– Значит, остаетесь вы.

Вера пренебрежительно повела плечом.

– Не отвечаете? – Он усмехнулся. – Разве можно не отвечать пассажиру?

Вера лукаво покосилась на него. И вдруг быстро и монотонно посыпались слова:

– Прошу внимания! Корабль Трансгалакта «Кит» следует очередным рейсом Антора – Земля. Основная часть пути пролегает в сопространстве. Пассажирам это не причиняет неудобств. Путь до Земли займет около полутора месяцев, дополнительную информацию получите в полете. Здесь вы окружены тем же комфортом, что в вашей квартире или в отеле. К вашим услугам – салон, бар, бассейн, спортивный зал, сад, прогулочная палуба, с которой вы сможете насла-

ждаться видом звездного пространства – до перехода в сопостранство и после выхода из него. Обстановки кают зададите по вашему вкусу – через полчаса она будет на месте. Обед в салоне в семнадцать часов по условно-галактическому времени корабля. При желании обед доставляется в каюты, выход синтезатора – справа от двери. Выбор блюд не ограничен. Дамы, безусловно, будут заинтересованы тем, что новые туалеты изготавливаются на борту в течение двух часов. Прошу обратить внимание на табло – вы можете поставить по нему ваши часы. Настроить их на земной двадцатичетырехчасовой цикл можно у меня. Теперь я рада ответить на ваши вопросы.

Вера умолкла, смех распирал щеки. Высокая, бронзовокожая, красивая, она позволила физику полюбоваться собой, хотя, в общем-то, корабельная традиция не позволяла кокетничать с пассажирами.

– Ах, вот как! – сказал физик, принимая ее игру. – А скажите, корабль и в самом деле так надежен?

Вера очаровательно улыбнулась.

– Последнее слово техники. Беспредельные запасы энергии – мы черпаем ее из пространства. Неограниченная автономия. И так далее.

– Вы меня успокаиваете, – сказал Карачаров с иронической улыбкой. – Весьма признателен.

– Еще вопросы у пассажира?

Физик мгновение смотрел на нее.

– Да. Вот вы... Вы очень красивая девушка. Почему вы тут? Это ведь все равно, что оседлать маятник. Неужели вы не способны на большее? Или верите, что в пространстве дольше сохраняется молодость?

На этот раз он был серьезен; может быть, это и впрямь его заинтересовало – он и сам не знал. А может быть, просто хотел отомстить за ее шутку? Вера смотрела на него, чуть прикусив губу.

– Хотите, я отвечу сам, – предложил Карачаров. – Все очень просто. Вы – анторианка, это видно сразу. И знаете, что красивы. И хотите жить на Земле. В центре Федерации, а не на ее окраине. Только на Земле, думаете вы, вас оценят по достоинству. Оценит не кто-нибудь, а человек значительный. Если и не член Совета, то хоть его консультант. Но население Земли давно уравновешено, и, чтобы получить земное гражданство, надо что-то такое совершить. Служба в Галактическом флоте, наверное, дает такие права. Вот и все. Сколько вам еще осталось летать? Не помню, какой нужен стаж...

Вера вскинула голову.

– Извините, – сказала она официальным, лишенным окраски голосом. – Я отвечаю только на вопросы, относящиеся к рейсу. А сейчас мне пора в салон.

– Позвольте предложить вам руку, – галантно произнес Карачаров.

– Я не падаю с трапа.

Он все же проводил ее до салона; физику тоже почему-то сделалось невесело, а ей он, кажется, основательно испортил настроение. Уже войдя, Карачаров сделал попытку загладить неловкость:

– Ответьте, пожалуйста, еще на один вопрос, последний. как называется этот танец и как его танцуют?

Вера, прищурившись, глянула на него и неожиданно усмехнулась.

– О, показать я могу!

Долговязый физик готовно склонился. Но Вера, озорно стрельнув глазами, повернулась и, слегка покачивая бедрами, пошла к сидящим пассажирам. Она остановилась перед администратором, и Карский встал, смущенно улыбаясь.

«Пустой номер», – мысленно сказал Карачаров, провожая Веру взглядом. Сейчас он вдруг – незримо для других, разумеется, – стал совсем другим человеком: таким старым циником, галактическим волком, не признающим женщин. И взгляд его сделался устало-пренебрежительным.

– Пойдем и мы? – так поняла Мила легкое движение мужа. Он не решился бы произнести это вслух: ожидал бы, пока она не выскажет желания. Но всякая его мысль – Мила стала уже привыкать к этому – немедленно находила выражение в жесте, телом он говорил, передавая мысли точнее, чем словами. Недаром же он был чемпионом Федерации!

Мила с удовольствием отдалась танцу. Валентин вел легко

и строго, даже с женой не позволяя себе ни малейшей вольности, танцевал каждый раз словно на приз. С ним было хорошо на людях и хорошо вдвоем, он был добр и силен, и всякий раз она заново переживала случившееся. Мир полон чудес; оба – жители Земли, они так никогда бы и не встретились на своей планете, затерялись бы среди миллиардов людей. Но ей понадобилось лететь на Антору – познакомиться с тамошними интерьерами, о которых многое слышала и которые и в самом деле оказались необычайно интересными; команда чемпионов мира оказалась там в то же самое время – они совершали турне по Федерации. Нечаянно встретиться за столько парсеков от Земли – это ли не чудо? Увидев друг друга, они сразу поняли, что домой возвратятся вдвоем и всегда будут вдвоем, всегда-всегда. Он ходил за нею всюду, кроме времени тренировок и игр, когда она сидела на трибуне стадиона. Потом команда улетела, а он задержался: наверное, не мог расстаться на тот месяц, который ей еще предстояло провести на Анторе. Он, конечно, переживал, что команда уехала без него; но в конце концов его товарищи решили, что несколько игр проведут сами. Пожелали ему счастья...

Она подняла глаза. Валентин улыбался.

– Что ты?

– Вот это па – чистый финт, понимаешь? Ну, сделаем еще раз, и ты увидишь.

На этот раз усмехнулась Мила – правда, про себя: ниче-

го, она научит мужа разговаривать и на другие темы, нужно только время и терпение. Терпения ей не занимать, а времени у них впереди – бездна... Еще одна мысль проскользнула, тоже связанная с будущим, но она была неприятна, и Мила постаралась сразу же прогнать ее подальше.

– Отдохнем, – сказала она.

– Хочешь посидеть?

– Совершим набег на какую-нибудь компанию.

Они направились в бар. Там уже сидели Инна Перлинская и писатель. Истомин вскочил и поспешно придвинул ей кресло.

– Хотите выпить? Инна, Мила?

– Минеральную, – сказала Инна шелестящим, напряженным полупшепотом, словно поверяла тайну. Затем повернулась к Миле. – Этот костюмчик с Анторы? Очень милый. У них, на этой планете, есть вкус. Ваш муж очень сердит? Я немного побаиваюсь его.

– О, разве можно его бояться?

– Мы ведь конкуренты. После того, как театр признал непредсказуемость развязки, когда древний принцип импровизации возвратился на сцену, мы стали серьезно конкурировать со спортом, с играми.

– Это не конкуренция, – сказал Еремеев. – Это соревнование. А спорт и есть соревнование.

– Вы обязательно должны увидеть меня – хотя бы в спектакле «Я утром должен быть уверен!». Классика, но как со-

временно звучит! Вещь прошла у нас уже пятьдесят раз, и ни в одном представлении действие не повторялось дальше второй картины. Пятьдесят разных развитий, разных финалов. В каждом я находила новый поворот! Открытие сезона – через неделю, я смогу помочь вам... Спасибо, милый, – поблагодарила она Истомина. Жест был исполнен величия. – Да, представьте, я сделала прелестный комплект здесь, на корабле, – специально для открытия...

– ...Я всегда заранее знаю, забью или нет. Бывает, выйдешь на хорошую позицию, все ждут – миллионы людей! – а я чувствую: не пойдет. И отдаю пас. Раньше я все равно бил по голу, но стоит неудачно пробить – начинаешь сомневаться в себе, и потом так и уходишь с поля, не забив. – Он на миг помрачнел, голубые глаза потемнели.

– На Анторе я сыграл плохо. Не видели? Никудышно. Встретился с Милой, – какая тут игра... Стыдно. Вспоминаю, как грустно играл – и места себе не нахожу... – он говорил быстро, ему, видно, давно хотелось выговориться и выслушать слова утешения, не формально-вежливого, а подлинного: собеседник в таких случаях искал не слова, а мысли, которые помогли бы другому собраться с силами.

– Да, это случается, – кивнул Истомин. – Такая ситуация есть у... Вы читали Карленко?

– Карленко? Не помню. Наверное, нет.

– Что же вы читаете?

– Вообще-то много. Не помню сейчас, что было последнее. Как-то не заинтересовало. А вообще когда-нибудь люди, наверное, будут уметь все. И хорошо сыграть, и написать...

– Это самообман, – не сразу ответил Истомин. – Сто или двести лет назад люди так же думали о наших временах: эпоха гармоничных людей... Но не гармоничные осуществляют прогресс, а те, кто направлены в одну точку. В сутках по-прежнему двадцать четыре часа, требования же стали куда выше. Литератор с техникой прошлого столетия сейчас не издал бы и первой книжки. Вот, например, Ругоев – читали?..

– Это совершенно точно. Я видел записи старых игр. Мы бы сделали их за десять минут. И тренируемся мы – они не выдержали бы таких нагрузок.

– Когда же тут заботиться о гармоничности? Допустим, после путешествия хорошо было бы пожить где-нибудь в лесу или на озере – мячик, удочка... Но завтра на Земле я войду в свой кабинет, а у меня выработался рефлекс: там я должен писать...

– Вы себя настраиваете так? Или это от рождения?

– Да, наверное, так же, как и у вас.

– Я – другое. Меня евгенизировали. Заранее... ну, когда меня еще не было, исправили генетическую картину, чтобы я был по-настоящему пригоден для спорта. Отец мой был хороший центр и хотел, чтобы я был еще лучше. Правда, вышел из меня хав. Средняя линия, как говорят у вас.

– Это хорошо, у вас не должно возникать сомнений.

– Ну, цену себе я знаю. Умею играть в пас, обвести, отобрать, владею финтами, силовыми приемами, вижу поле, могу выбрать позицию. Дрибль, скорость, игра головой, устойчивость в стычке и удар, конечно. Чувствую мяч, как часть своего тела. И все это знаю. Завтра увидите, как меня будут встречать. Хотя сыграл я из рук вон плохо – и все же... А вас как встретят?

– Ну, таких, как я, не очень знают. Известны те, кто пишет книжки-колоды. Вам, наверное, попадались: на плотном пластике, на каждом листке с обеих сторон – законченный эпизод.

– Как же, конечно. Тасуй, как хочешь – каждый раз получается совсем новая книжка. И складно.

– А я так не умею, визия тоже не тянет. Пишу потихоньку. А вы, значит, в ожидании триумфа?

– Понимаете, это не главное. Тут все вместе. Небо. Облака. Ветерок. Стадион. Много воздуха, пахнет цветами... Команда. Мяч. А ребята будут ругать. Всерьез. Иначе нельзя: играл-то плохо. Подумаю об этом – и сразу хочется: пусть не завтра, пусть на недельку позже... Мила что подумает? Но ничего не поделаешь.

– Ничего.

Луговой лихорадочно вертел лимбы.

– Прелести жизни! – проворчал он. Так бурчал порой ка-

питан Устюг. – Эй, шеф!

Он спохватился, что связь с инженером выключена, и коснулся кнопки. Центральный пост сразу словно бы увеличился вдвое: там, где только что была гладкая переборка, возникло просторное помещение, а в нем – пульт, ходовые приборы, индикаторы силовых и энергетических систем... Инженер Рудик поднял лысоватую голову. Казалось, он был совсем рядом, хотя на деле это было лишь триди-эффектом, трехмерным изображением инженерного поста, что находился в другом, не жилом, а энергодвигательном корпусе корабля, на другом конце стометровой трубы – осевой шахты, соединявшей обе части корабля, как осиная талия. Рудик шевельнул светлыми бровями.

– Что у тебя, штурман?

– Да Земля неизвестно куда девалась, – почти совсем спокойно объяснил Луговой. – Нет ее в нужном направлении.

– Ага, – равнодушно сказал инженер, помаргивая белесыми глазками. Он кивнул и снова перевел взгляд на пульт, вытянул руку, что-то повернул, удовлетворенно выпятил губу.

– Я серьезно.

– Если говорить серьезно, – хладнокровно ответил Рудик, – то такого не бывает.

– Да погоди. Мы вышли, так? Система перед нами. Юпитер находится по отношению к нам за Солнцем, на той стороне орбиты. Это понятно? А Земля – на этой, куда ближе. И вот с Юпитером я уже имею видеосвязь – через всю Си-

стему, а с Землей нет.

– Тогда, может, это Юпитер – по нашу сторону, а Земля – наоборот?

– Что я, по-твоему, не умею ориентироваться по звездам?

– Да уж не знаю. Посоветуйся с Сигмой.

Луговой пробормотал что-то неразборчивое. Ему не хотелось обращаться к компьютеру, словно бы он был еще стажером, а не штурманом. Но пришлось.

Он задал программу определения точки по четырем ориентирам.

– Вот и хорошо, – прокомментировал Рудик.

Его перебил резкий звонок. Сигма отвергла задание.

Луговой пожал плечами. Задача была элементарной и составлена без ошибок. Он повторил ее, и компьютер снова отказался от решения.

После третьего требования звонок не умолкал целую минуту. В переводе на язык людей это означало истерику. Пришлось отключиться от спятившего устройства.

– Ну, что скажешь? – устало поинтересовался Луговой.

– Знаешь, – сказал Рудик голосом, в котором было сомнение, – покличь-ка лучше мастера. А то как бы ты и Солнце не потерял.

Луговой обиженно засопел. Капитана известить, конечно, следовало. Но тут его осенило.

– Задам-ка я ему по трем ориентирам, – сказал он и взглянул на триди-экран, где был Рудик. – А что? Все так делают.

На этот раз автомат не стал противиться.

Они долго танцевали молча, словно бы музыка говорила за каждого из них; так бывает, когда оба хотят сказать одно и то же, но самолюбие или стеснение не позволяют начать разговор. Когда музыка смолкла, они остановились, растерянно глядя друг на друга. Молчание стало вдруг душным и вязким, секунды застревали в нем. Капитан сказал неожиданно хрипло:

– А бал ничего, удался... верно? Никто не скучает.

Зоя, словно не слыша, смотрела на него и ждала, пока он заговорит по-настоящему. Она давно уже решила, что ничего не нужно, потому что ничего не будет – просто ни к чему; но услышать слова ей хотелось, было просто необходимо.

– Зоя...

Она безмятежно улыбнулась; это стоило ей немалого усилия. Потом спохватилась, что они стоят, и люди смотрят на них.

– Пойдем...

Он понял ее и повел, взяв за локоть. Они подошли к стене там, где блестящая поверхность ее переходила в матовую. Капитан, не глядя, нажал пластинку, и матовая поверхность растаяла. Они вышли на прогулочную палубу, опоясывавшую жилой корпус корабля, и медленно пошли по ней. Палуба была прозрачна, и они ступали по звездам, звезды сияли впереди, и справа, и сверху, лишь слева была стена. Они

молчали, пока светлый прямоугольник входа не скрылся за изгибом борта.

– Зоя, послушай...

Она хотела сказать что-то безразличное, даже, быть может, ироническое, но побоялась, что голос изменит ей. Устюгов говорил волнуясь, захлебываясь – так говорят, наверное, раз в жизни. Зоя слушала и мысленно просила: «Еще! Еще!»

– ...Потом понял, что и ты сама...

Говорить «нет» она не станет: ложь была бы слишком явной. Но что все это значит? Она же хотела совершенно иного, она давно уже пришла к выводу, что лучше всего держать обожателей на расстоянии: слишком больно бывает потом.

– ...Все стеснялся, боялся что ли. Мы могли быть вместе все эти дни, а теперь – последний вечер...

Да, если бы ты в самый первый вечер был настойчивее и находчивее... Такие вещи или происходят сразу, пока нет времени на размышления, или же затягиваются надолго. Впрочем, нет – я сразу же отодвинула бы тебя подальше. Не люблю банальностей.

– Не люблю банальностей, – повторила она вслух.

– Не понял, – растерянно сказал он.

– На борту корабля пассажирка падает в объятия отважного капитана – от любви к острым ощущениям и скуки. Но острых ощущений у меня с избытком хватало в лаборатории и госпиталях, – она на миг вновь почувствовала себя прежней, недаром коллеги говорили, что она эмоционально сте-

рильна; много они знали, коллеги!.. Но миг этот был короткий, и Зоя, неожиданно для себя, тихо сказала: – Я рада, что началось не так.

– Кончается, не начавшись, – мрачно поправил он.

– Зато теперь я знаю, что это для тебя не прихоть... и для меня тоже.

Такая логика всегда была ему непонятна.

– Почему же ты...

А в самом деле – почему?

– Потому, что в этом возрасте уже поздно действовать методом проб и ошибок – так это называется в кибернетике, кажется?

Он вздохнул, понимая, что упустил что-то: непосредственность, бездумное влечение первого вечера, готовность подчиниться неожиданному...

– Зоя, день еще не кончен...

Она снова безмятежно улыбнулась, успев прийти в себя. Хорошо, ее никто не принуждал, она сама решила и сделает все, как хочет. Никто и никогда не будет решать за нее. Она не уступает; наоборот – выбирает.

– Нет, завтра. На Земле.

Она сказала это с такой определенностью, что он, наконец, поверил и остановился, прижимая к себе ее локоть и глядя на звезды. Рисунок их был необычен, но капитана сейчас не интересовали те, далекие, звезды.

Он обнял ее за плечи и закрыл глаза. И, конечно, сзади

кто-то затопал. Луговой. «Собака, – подумал капитан. – Ангел-хранитель!»

– Земля на связи, капитан.

Устюг взгляделся. Штурман был спокоен, как памятник Космонавту, но Устюг достаточно хорошо знал его.

– Ну, и как настроение?

В присутствии пассажира – даже Зои – нельзя было спросить прямо: что стряслось? Штурман все равно не стал бы отвечать.

Луговой понял, что оказался тут не вовремя, хотя и поступил, как положено. Но, может, особой беды и не было в том что они, как оказалось, подошли к Системе не с той стороны, с какой ожидали; в конце концов, при выходе из пространства неопределенность всегда достаточно высока, и они не превысили допустимой ошибки. Так или иначе Земля на связи, а это – главное.

– Настроение высшего класса, капитан.

– Сейчас буду.

Он взглянул на Зою, извиняясь, и она в знак прощения опустила ресницы. Устюг довел ее до входа в салон, взглянул в глаза и улыбнулся.

– Вот Земля и в виду.

– Да. – Она тоже улыбнулась. – Слово сказано.

– Мы еще встретимся до высадки, – пообещал Устюг. – И ты скажешь, где тебя найти – там, внизу.

– Искать тебе не придется.

Они были на середине салона, когда Карачаров, покосившись на них, пробормотал:

– По-моему, крайне неуместная демонстрация.

Он стоял подле кресла, в котором сидел старик Петров, сидел с таким видом, словно уже давно пустил в кресло кор-ни. Он и в самом деле весь рейс просидел тут – так, во всяком случае, казалось остальным, – он любил слушать, а если находился собеседник, то и поговорить.

– Демонстрация? – переспросил Петров. – Просто такова жизнь.

– Что вы знаете о жизни? – сердито спросил физик. Зоя осталась одна, и он мог бы подойти к ней, но взглянул ей в лицо и понял, что не стоит. – Судя по вашей склонности к прописным истинам, вы – отставной учитель. Что знают о жизни отставные учителя?

Громко ступая, он вышел на прогулочную палубу, прижался лбом к прозрачному борту и с минуту глядел на звезды, не узнавая рисунка созвездий.

Он вернулся в салон в тот самый миг, когда из скрытых в переборках фонаторов раздался голос штурмана:

– Капитан и экипаж благодарят пассажиров за чудесный вечер. Просим в течение следующего часа занять места в ко-конах, чтобы не задерживать выполнение предпосадочного маневра. Желаем вам приятного финиша!

Вера, хозяйка салона, уже обходила пассажиров, сверкая улыбкой. Петров смотрел на нее, прищулив глаза. Прозву-

чал первый сигнал, и только теперь пассажиры по-настоящему поняли, что рейс завершается; актриса снова взглянула на Истомина, и ее опять стали одолевать сомнения. На месте выхода на прогулочную палубу возникла матовая стенка. Медленная музыка умолкла, и через секунду зазвучал бодрый марш.

– Одну минуту! – громко сказал Карачаров. – Один миг!

Вера остановилась, глядя на него, и он улыбнулся ей. Карачарову теперь казалось, что он так и провел весь вечер – львом и душой общества; что за беда, если никто этого не заметил? И закончить надо было в том же духе.

– Очаровательная хозяйка, налейте нам по бокалу. Последний тост! – он успокоительно кивнул ей. – Мы сдружились в этом путешествии, и жаль будет, если никогда больше не встретимся. Я предлагаю через год собраться в городе, куда нас доставит завтра катер. За нашу встречу!

Карский прикинул: да, через год он сможет. Он поднял бокал, и остальные подчинились его безмолвному призыву. Нарев скептически усмехался, Петров пробормотал: «Еще не сели», и актриса суеверно постучала по столу.

Глава вторая

Капитан «Кита» Устюг гримасничал, как резиновая кукла на пальцах артиста. Лицо зверски перекашивалось, щеки то втягивались, то оптимистически раздувались. Диспетчер восьмого поста Космофиниша тронул кнопку подстройки, и лицо капитана, чье изображение сидело напротив диспетчера в глубокой выемке триди-экрана, сразу сделалось таким обычным, что стало скучно.

В зале, как всегда, стоял приглушенный гул. На четырнадцати табло роились зеленоватые огоньки – условные изображения кораблей, находившихся в сфере действия дисэлектро – электронного диспетчерского устройства. Диспетчер без труда нашел огонек, означавший «Кита», потом перевел взгляд на капитана.

– «Кит»! – сказал он. – Вызывает восьмой.

Он дождался положенного ответа.

– «Кит», внимание. У вас на борту находится администратор Карский? Финиш-Главный дает вам преимущество. Приготовьтесь сойти с орбиты выжидания. Ждите команды.

Он коснулся переключателя. Устюг исчез, словно его и не было, – теперь перед диспетчером оказался центральный пост «Лебедя» с капитаном за пультом.

– «Лебедь», к вам восьмой. Отключитесь от дисэлектро, слушайте меня. Ваш маневр отменяется. Оставайтесь на ор-

бите, будьте готовы пропустить «Кита», он идет с преимуществом. Подтвердите! – он выслушал недовольное ворчание и вновь вернулся к «Киту». – Восьмой – «Киту». Сходите с орбиты через семь – один – пять. В допустимой близости идет «Лебедь», будьте внимательны, он уступает. – Диспетчер снова бросил взгляд на табло. – Алло, дисэлектро показывает препятствие. Что видите по курсу?

Капитан «Кита» хмыкнул.

– Это же «Лебедь»! – сказал он. – Выкинули маячок, чтобы потом точно войти на место. Может, захватить по дороге? Наказать разгильдяев...

Диспетчер секунду размышлял. Маячок – дешевый прием для тех, кто хочет блеснуть точностью финиша, не обладая еще тонкой навигаторской интуицией. Запрещенный приемчик: в Приземелье и так тесно. Неплохо было бы лишить «Лебедь» табельного имущества, пусть капитан Стелькин потом отдувается: маячок – вещь дорогая.

– Отставить, – сказал он сердито. – Используй преимущество, раз тебе его дали.

– Ладно, проскользну, – согласился Устюг с «Кита».

Теперь, собственно, можно было снова передать управление на дисэлектро, но как раз выпала свободная минутка, и диспетчер позволил себе еще полюбоваться на капитана, хотя лицо Устюга было знакомо вдоль и поперек, от пятнышка на подбородке до шрама на правой скуле – сувенира на вечную и добрую память об одной экспедиции в молодости.

Что-то он весел, Устюжок. И вообще, какой-то странный сегодня.

– Сколько пассажиров везешь? Что подать для выгрузки?

– Девять. Хватит малого катера.

– Этак флот прогорит, – сказал диспетчер. – Не думают некоторые капитаны об экономике. А груз?

– Роботы и устройства высшего класса на реставрацию.

Устюг больше не смотрел на диспетчера: приборы требовали внимания. Повинуясь командам вычислителя, «Кит» плавно сходил с орбиты, едва уловимо замедляя ход. Умеет финишировать капитан Устюг. Что все-таки у него с физиономией? Диспетчер улучил мгновение, когда капитан смог отвести взгляд от индикаторов.

– Ты что – переусердствовал вчера на балу? Признайся, положи руку на сердце.

Капитан Устюг торжественно положил руку на сердце.

– Все ясно, – сказал диспетчер. – Сердце, между прочим, слева. Даже у капитанов.

– Вы там, на финише, тупеете от безделья, – проговорил Устюг сердито. – А я, по-твоему, куда показываю?

– Да направо, конечно, – сказал диспетчер, веселясь.

– Плохо спал?

– Нет, это ты... Ох!

Вот значит, что у него с лицом...

– Устюг, – негромко, напряженно сказал диспетчер. – Помню: у тебя отметина была справа. Ну, с того раза, когда

у нас – там – сорвало перекрытие...

Капитан дотронулся до шрама.

– Вроде бы на месте.

– Устюг, ты сейчас какую руку поднял?

– Да правую же, понятно, – сердито сказал капитан. – Ладно, мне пора переходить на ручное.

– Ни-ни. Смотри на меня внимательно. Я какую руку вытянул? Видишь?

Кто-то из проходивших мимо диспетчеров едва удержался от смеха и, отойдя, шепотом сообщил соседям, которые были посвободнее в этот миг, что коллега учиняет капитану Устюгу розыгрыш по первой категории.

– Ну, левую. Ясно вижу.

– А ты забыл, что левая у меня – протез?

– Регенерат, – поправил Устюг. – Кто их отличит?

– Разве тогда регенерировали? Где твоя память?

– В тужурке оставил, – нетерпеливо сказал Устюг. – Ну, все, что ли? Это теперь такие тесты ввели для прибывающих из рейса?

Все, что ли? – подумал диспетчер. Все, все. Пусть садится. Тут разберемся, что у них получилось. Наверное, связь чудит и переворачивает все наизнанку. Пусть садится. Не шутка – задержать на орбите корабль, которому дано преимущество. Задержать по смехотворной причине, из-за чистой перестраховки.

– Все, мой хороший, – сказал он. – Триди-связь у вас ба-

рахлит. Несolidно, капитан. У кого другого, но у тебя... Ладно, швартуйся. Пришлем тебе мастеров.

Устюг пожал плечами.

– Вас понял. Иду на сближение с Космофинишем.

Они еще мгновение смотрели друг на друга, каждый видел собеседника в виде трехмерной эфемериды... Устюгу надо было только сделать движение – включить автомат схода с орбиты, – и через четверть часа, меньше – через двенадцать минут он подошел бы к Финишу, выбросил переходник, принял на борт финишкомиссию – медиков, таможенников... Устюг не сделал движения – медлил.

– Да нет, связь чудит, – успокоительно сказал диспетчер. – Что другое?

– Знаешь, – медленно проговорил Устюг, – может, и связь. Но за аппаратуру отвечает Рудик. И я не поверю, чтобы у Рудика связь делала, что хочет, а он даже не предупредил бы меня. Подумай: может, еще чем-то можно объяснить эту ерунду?

А ведь можно было еще чем-то. Диспетчер помнил только, что объяснение было страшненьким. Спине вдруг стало жарко под летней рубашкой. Что-то очень страшное было. Но что?

– Понял тебя, – сказал он и продолжал официально: – Капитан Устюг, разрешение на маневр отменяю. Займите резервную орбиту.

– Есть, – невесело ответил капитан Устюг.

У командующего Трансгалактическим флотом была бессонница. Уже третью ночь она не отпускала его – с тех пор, как вдруг, ни с того ни с сего, без всякого вроде бы повода, при швартовке посыльного катера взорвался Одиннадцатый спутник Звездолетного пояса; на нем было три человека – дежурные операторы. Третьи сутки командор тщетно пытался понять причину взрыва (опыта у него было, наверняка, побольше, чем даже у трех комиссий) – и не мог. И вот он, уже устав думать, сидел на веранде своей квартиры, которую от расстройства чувств даже увел с того места, где она простояла два года, и установил на двести метров выше, в третьем воздушном ярусе, – сидел на веранде и смотрел на звезды, где были его корабли и куда ему самому разрешали выходить не чаще раза в год. Вызов командор услышал не сразу. В комнате он не зажег света и разговаривал, глядя сквозь нижнее окно на огни наземных сооружений. Потом он машинально перевел глаза вверх, хотя Большой Космофиниш находился сейчас над другим полушарием Земли, под ногами.

– Не понимаю, – сказал командор. – Он прибыл или нет? Тогда в чем же дело?

Его перебили, и он понял, что дело и на этот раз серьезное, раз его перебивают. Он попытался застегнуть халат, забыв, что это не тужурка. Потом зажег свет, протянул руку к справочнику и нажал букву К – «консультанты».

Профессор доктор Функ ворчливо сказал:

– Уснуть в мои годы – это искусство, а вы меня будите. Почему теперь происшествия случаются исключительно по ночам? Ну хорошо, хорошо...

Он был стар, и каждый раз, когда его, постоянного члена Консультативного совета Трансгалакта, внезапно вызывали, не спрашивал о причине. Глубоко в нем обитало упование дожить до первого Контакта, и он всегда надеялся, что на сей раз его вызывают именно по этому поводу, и не спрашивал, чтобы не разочароваться раньше времени.

– Ах, зеркальное изображение, – сказал физик доктор Функ, позевывая. – Да, конечно, может быть, виновата связь. Связь, связь. – Он помолчал. – А может быть, и не связь. Говорить с ним можно? Тогда спросите-ка его... Координаты ведь устанавливаются при помощи оптики, а не электроники? Вот и спросите, как устанавливались координаты и не происходило ли при этом чего-нибудь такого. Если оптика дает им нормальное изображение, значит, виновата аппаратура связи. Итак, вы поняли? Не было ли при ориентировке чего-то такого... неразумного. – Слово ему понравилось. – Вот именно – неразумного.

– Капитан Устюг, как устанавливались координаты после выхода из сопространства?

– Ориентировались нормально: курсовая – с Полярной на Солнце, третья точка – Капелла.

– А четвертая? – спросил командор.

– Хорошая космическая практика, командор, рекомендую брать четвертую в случае сомнений. А у нас сомнений не было.

«Нахал», – подумал командор.

– Зато у нас есть. Уточните положение по четвертой.

– Есть, – ответил дисциплинированный капитан.

Четвертая нужная звезда оказалась вдруг совсем не в той стороне. Человек вошел в комнату через дверь, пошел прямо – к окну. Внизу, естественно, пол, наверху – потолок, а справа должен быть стенной шкаф. И вдруг оказывается, что стенной шкаф – эта самая четвертая звезда – оказался слева, а чтобы он снова был справа, потолку надо опуститься и лечь под ноги, а полу – вознестись над головой. Капитан с Луговым вертели и так и этак – не помогало.

– Словно мир перевернулся, – сказал капитан. – Что за... магия?

– Ну вот, – сказал доктор Функ. – При чем же тут связь? Решительно ни при чем.

– В чем же дело, доктор?

– В чем? – вдруг рассердился Функ. – Как – в чем? Почему вы это спрашиваете? – Он кричал фальцетом. – Они претерпели зеркальную инверсию! Весь корабль!

Он умолк. Командор ждал. Функ пожевал губами.

– Объяснение, насколько я могу судить, имеется одно: где-то там, в неизвестное нам время и в неизвестных условиях, вещество корабля и всего, что на нем находится, изменило знак.

– Так что теперь?.. – спросил командор после новой паузы. Он спросил тихо и, казалось, даже робко.

– Теперь они, вероятнее всего, состоят из антивещества, – буркнул Функ и отвернулся.

Молчание длилось минуты две. Потом командор спросил:

– Вам все ясно, диспетчер? Чего же вы ждете?

– Да, – сказал диспетчер неслышно, откашлялся и уже громко повторил: – Да. Все ясно.

– Действуйте.

– Устюг, – проговорил диспетчер. – Только спокойно. Ни шагу с орбиты, ни на миллиметр. Пассажиры спят?

– Как и положено.

– Не будить.

– Что с нами?

Диспетчер не ответил. Он включил общий канал.

– Всем: восьмой объявляет тревогу. Блокировать старты. Освободить пространство до четвертого маяка...

Происшествие случилось у него, и теперь он был главным в космосе. Он вдруг, задним числом, похолодел: стал бы «Кит» швартоваться, вот наломали бы дров... Тринадцать

пар глаз в зале уперлись в него, свой голос он слышал со стороны: слова разносились по трансляции. «Не пересекать орбиты «Кита», не приближаться к нему ни при каких условиях. Ничего и никого с «Кита» не подбирать. Постамам развести корабли...»

Совещание закончилось. Остатки дыма клубились где-то под прозрачным потолком, розовевшим потому, что здесь, в Космоцентре, только занималась заря. Командор подошел к секретарю, переключил кристалл на исходную позицию и приготовился прослушать все сначала. Он любил еще раз выслушать все в одиночестве: при этом иногда возникали дельные мысли.

Первый голос в записи был его собственным:

– Капитан! Расскажите, пожалуйста, как проходил рейс.

Капитан (откашлявшись, хрипловато – связь чуть изменяет его голос): Значит, так... Взяли груз и пассажиров на Анторе. Загрузка тридцать процентов: не сезон. Разгон прошел без нарушений, никаких странностей не наблюдалось. Нашли точку, своевременно вошли в прыжок...

Физиолог: Как чувствовали себя люди после прыжка?

Капитан: Вышли из коконов. Был проведен положенный осмотр на медкомбайне. Жалоб не было, объективные показатели в пределах нормы – чуть лучше, чуть хуже, как обычно.

Функ: Дальше, дальше, пожалуйста. Как проходил полет

в сопространстве?

Капитан: Ну, я бы сказал – нормально. Все время, с прыжка до выхода, не было ни вибраций, ни отказов, ни каких-либо иных нарушений.

Функ: Это субъективно. А приборы?

Капитан: Я просмотрел записи. Никаких отклонений.

Функ: Хорошо, капитан. Теперь расскажите, а что наблюдалось... снаружи?

Капитан: В сопространстве?

Функ: Вот именно.

Капитан (не сразу): Вообще, как вы знаете, нам не разрешается...

Функ (нетерпеливо): Да, да! Но все смотрят. Говорите, это крайне важно.

Командор: Рассказывайте, капитан.

Капитан: Да ведь вы знаете, как это выглядит: полный ноль. Даже не скажешь, пустота это или нет, тьма – или еще что-нибудь. Так что видеть там нечего, и если мы все же что-то угадываем, то потом оказывается, что впечатление у всех разное, и, значит, мы видим что-то в себе, а не снаружи. Мне, например, обычно кажется, что мы висим неподвижно, а от нас во все стороны расходятся такие – ну, коридоры, что ли. То есть у них, понятно, нет ни стен, ни потолков, ничего, но только я знаю, что это – разные коридоры, и они вертятся, как спицы колеса, в котором я – ось. От этого вращения начинается кружиться голова, и выключаешь экран. Стараешься

только не изменить ненароком режим – там, если чуть сдвинешься, вынырнешь потом, наверное, неизвестно, где.

Функ: Капитан, вот в этом «ничего» вы не заметили чего-нибудь, что было бы не таким, как всегда? Хотя бы мелочи...

Капитан: Совершенно ничего.

Услышав тихое жужжание вызова, командор остановил запись и нагнулся к интеркому.

– Командор, вы приказали доложить вам о встречающих «Кит». Они тут, и ожидают, как обычно, отправки на Космофиниш. Мы, по вашему указанию, разместили их в отдельном зале.

Командующий откликнулся не сразу.

– Они волнуются?

– Пока нет, командор. Не более, чем обычно. Им объяснили, что финиш корабля несколько задерживается.

– Пусть подождут. Я буду, как только что-нибудь выяснится.

Командор повернулся к секретарю.

Функ: Ах, какая жалость, что меня там не было. Я уже давно говорю о необходимости специальной экспедиции... пока я жив.

Командор: Вынужден просить участников не отвлекаться. Доктор Функ, и лично вас.

Функ: Хорошо, но мы еще поговорим об этом в Совете.

Командор снова наклонился к аппарату.

– Слушаю!

– Докладываю: по вашему приказанию чистильщик уравнился на орбите «Кита», на безопасном расстоянии от него.

Командор почувствовал вдруг, как влажнеет ладонь – словно в ней был зажат флазер, который он направил в спину друга.

– Пусть остается там впредь до распоряжений.

Он снова стал слушать кристаллического секретаря.

Командор: Как это могло произойти? И чем мы можем помочь кораблю?

Функ (после краткой паузы): m-m... Трудно сказать. Полагаю, что современный уровень знаний не дает нам возможности исчерпывающе объяснить происшедшее. Дело в том, что у нас нет единых воззрений на сущность соппространства, хотя практически мы его используем. В этом нет ничего необычного: пользовались же люди электричеством, не понимая его сущности. Если исходить из представлений Бромли...

Командор: Можете ли вы дать нам какие-то практические рекомендации? Способна наука помочь нам спасти людей?

Сейчас будет пауза, подумал командор. Сейчас они посмотрят на капитана и переглянутся, как светила медицины

у постели человека, о котором уже знают: иноперабилис. Потом глаза их опустеют, и консультанты будут смотреть уже не на капитана, а сквозь него, будто члены трибунала, подписавшие приговор, который обжалованию не подлежит. Они посмотрят, и мне станет больно и страшно за этого парня, и за его экипаж, и за всех людей (просто счастье, что на сей раз их немного), но больше всего именно за капитана, потому что ему будет хуже и труднее, чем остальным – в тринадцать раз хуже и труднее. А мы ничем не сможем помочь ему, ничего не сумеем принять с борта, ничего – передать, и даже долго прощаться с ним – не в нашей власти. Ага, сейчас старик заговорит опять...

Функ: Собственно, практическая сторона вопроса представляется нам ясной. По уже упоминавшимся причинам всякий контакт с кораблем грозит катастрофическими последствиями. И единственным выходом может быть... может быть...

Пауза.

Физиолог: Позвольте, позвольте. Да отойдите же, дайте ему дышать! Расстегните... Одну минуту... (пауза). Сейчас он придет в себя. Нужен санитарный аэраплан.

Функ (едва слышно): Ничего не нужно, глупости. Я сейчас.

Командор (выждав, пока Функ окончательно приходит в норму): У нас принято перед тем, как решать, окончательно

убедиться в справедливости предпосылок. Пока, насколько я понял, все выводы делаются лишь на основании зеркальной инверсии. Капитан, у вас на борту остались ракеты-зонды? Тогда сделайте вот что: отойдите подальше от Космофиниша – вам укажут место – и выпустите одну ракету в... ну, во что-нибудь...

Диспетчер: Разрешите... На орбите находится маяк, выброшенный «Лебедем». Если вы позволите...

Командор: Выпустите ракету в маяк. Если предположения ошибочны, взрыва не произойдет. Тогда вы немедленно получите разрешение на финиш. Если же сильный взрыв все-таки будет, тогда... И постарайтесь сделать это в одиночку. Чем занят экипаж?

Капитан: Все спят. После того, как финиш отложили, я приказал экипажу отдыхать.

Командор: Хорошо. Пусть спят.

Пауза.

Командор: Теперь, когда капитан нас не слышит, хочу спросить: неужели же вся современная наука и техника, требующие и получающие колоссальные средства, не в силах спасти несколько человек?

Физиолог (мрачно): И сегодня люди умирают порой во цвете лет рядом, на Земле или в самом близком космосе, а мы не в силах им помочь.

Командор: И все же подумаем в последний раз: что мы можем сделать и что посоветовать им?

Многие так и не подняли глаз, вспомнил командор, но кое-кто переглянулся в нелепой и наивной надежде, что один из них – сейчас, вдруг, по наитию – найдет верный способ поставить все на свои места, заменить антипротоны и антинейтроны в ядрах атомов, из которых состоял теперь «Кит» и все на нем, на безопасные протоны и нейтроны, обратить позитроны на орбитах в электроны – и корабль плавно сойдет с черты выжидания, а Земля начнет вырастать на его экранах... Но никого не осенила благодать, никто не нашел способа и не попросил слова.

Функ (его бормотание с трудом можно расчленить на отдельные слова): Мы знаем, что такое антивещество, и знаем, в результате каких реакций возникают античастицы. Но мы не умеем превращать даже атомы элементов – не говоря уже о живой материи. Мы еще не пришли к этому. Не имеем представления, как это делается. Нельзя двигаться с максимальной скоростью сразу во всех направлениях физики... (Кричит внезапно и отчаянно): И все-таки это черт знает что! Это никуда не годится! Свинство, величайшее свинство! Мы слишком много думаем о своей безопасности! Мы должны, обязаны... окружить их энергетическим экраном... опустить на Землю или хотя бы изолировать в пространстве... и работать, работать над этой проблемой, пока не решим ее!

Кто-то из консультантов: Или пока ничтожный пере-

бой в энергоснабжении не нарушит на долю секунды стабильность экранов. Совершенно ли исключена такая возможность? Сколько времени займет строительство подобной энергосистемы? А они? Пассивно ожидать спасения можно дни – но не годы. А любая активность с их стороны в этих условиях будет гибельна.

Командор: Что же... что они должны сделать?

Функ: Уходить. И поскорее. В пределах Солнечной системы они будут таять, как сахар в чае – медленно, но верно. Я уже не говорю об угрозе, какую они представляют для всего остального. Раз мы не уверены в возможности изолировать их – значит уходить.

Командор: Куда?

Функ: В никуда. В ничто. Туда, где меньше вещества.

* * *

Хороший администратор должен знать бездну всяких вещей, в том числе и то, каков порядок финиша и высадки пассажиров трансгалактического корабля. Администратор Карский это знал, и еще перед тем, как лечь в кокон, принял меры, чтобы проснуться пораньше и выиграть время для приведения в окончательный порядок мыслей и эмоций. Как-никак, наступающий день должен был стать величайшим в его жизни; тут и самая устойчивая нервная система может дать сбой. Карский не хотел ни единым словом или жестом

испортить впечатление, какое должен будет произвести на тех, с кем ему предстоит работать целый год. Администратор заранее поставил таймер электросна на нужную отметку, без труда нашел выключатель автоматики кокона, перевел его на автономную регуляцию и лишь после этого позволил себе лечь и уснуть.

Электросон отключился своевременно. Карский медленно открыл глаза. Голова была ясной, чувствовал он себя великолепно. Всем телом он прислушался, но не ощутил той мелкой, проникающей даже в глубь кокона вибрации, которая сопутствует большим перегрузкам. Можно было выходить. Он нажал кнопку, и крышка кокона неспешно поднялась.

Было тихо, и воздух прохладен и чист, как утром в горах. Карский любил тишину и знал, что в предстоящем году ему редко придется пользоваться ее благами. Тем приятнее было насладиться покоем сейчас, когда все пассажиры спали, а экипаж был занят посадкой. Администратор медленно, с наслаждением растягивая секунды, занялся утренней процедурой. Дыхание, гимнастика для мышц, для внутренних органов, для нервов, массаж... К храму духа люди давно уже стали относиться серьезно; минули времена, когда резервы и возможности тела тратились так же бездумно, как и ресурсы всей планеты, когда гордились, если работой и пренебрежением к здоровью доводили себя до болезни – хотя если бы они довели до такого состояния свое предприятие, то пред-

стали бы перед судом... Покончив с гимнастикой, Карский принял ванну, еще раз проверил, все ли уложено. Заказал кофе, и уже через минуту из ниши в стене, где находился выход синтезатора, вынул сосуд, источавший вкусный запах. Отпил глоток и стал еще раз продумывать предстоящее.

Думалось хорошо, все представлялось четким и рельефным. Он вспомнил о жене. Вдруг захотелось сказать ей хоть несколько слов, однако показываться экипажу сейчас, когда пассажиров еще не будили, было бы с его стороны бестактно. До пробуждения остальных, по его расчетам, должно было пройти еще около часа; столько администратор мог и потерпеть, а жене и в голову не пришло бы ожидать его звонка... Администратору нравилось сознавать, что он остается скромным человеком, не старается выделиться, не подчеркивает своей исключительности, которая – он верил, да и все остальные верили – была абсолютно реальной. Вместо прохладного разговора с женой оставшийся час можно было использовать, чтобы еще раз, на свежую голову, просмотреть составленный еще на Анторе текст своего выступления.

Главное, кажется, в нем было сказано.

Карский задумался, проверяя, так ли?

Ему нравилось время, в какое выпало жить и работать. Время было интересное и ответственное.

Федерация ширилась. Еще трудно было сказать, на какие рубежи она выйдет лет через десять – пятнадцать. Но уже

и сейчас она насчитывала десятки обитаемых планет в различных звездных системах. По сути, близился к концу первый этап ее развития: освоение планет, от природы пригодных для обитания человека, планет земного типа. Их было не так-то уж много, и почти все ныне заселены и входили в состав Федерации. Она являлась тем единством, которое давало ячейкам человечества возможность существовать, развиваться и крепнуть, предоставленная самой себе, любая из них вряд ли отметила бы и десятилетие со дня основания. Федерация делала возможным старт каждого нового поселения на планетах с определенного – высокого – рубежа.

Каждая, уже освоенная, планета становилась форпостом для дальнейшего продвижения в глубь Галактики. Но центром Федерации по-прежнему оставалась Земля – старейший из обитаемых миров, родина цивилизации, организационных форм и общественных идеалов, резиденция Совета Федерации, объединявшего представителей всех населенных планет.

Задачи Совета были сложны. Главным теперь являлось не производство материальных ценностей, которое осуществлялось ныне как бы само по себе – машинами под руководством машин. Главным было общество – его жизнь, его развитие, неравномерное на разных планетах, его потребности, их рост и управление ими.

Всякая потребность, знал Карский, есть производное двух величин: необходимости и фантазии. Чем дальше, тем боль-

ше увеличивалась роль фантазии в определении потребностей, и уменьшалась необходимость. Фантазия безгранична, и если дать ей возможность безудержно расти, она намного обгонит любые производственные возможности. А именно в разрыве между тем, что есть, и тем, что можно себе представить, не ограничивая воображения, и возникает неудовлетворенность.

Воображение следовало ограничивать, чтобы оно опережало реальные возможности лишь настолько, насколько нужно. Ограничение должно было быть сознательным. Оно так же требовалось для общественного здоровья, как умеренность в еде – для здоровья отдельного человека. Отсутствие ограничений могло привести общество к ожирению.

Это – первое, отметил про себя Карский. Второе, также касающееся дел материальных, – сырье.

Кибернетизировалось производство изделий, но не добыча сырья. Запасы его на Земле скудели. Слишком много израсходовали люди в прежние, нерациональные эпохи. Сырье ныне приходилось восстанавливать, а часть – импортировать с других планет Федерации; способ дорогой, но неизбежный. Почти треть сырья синтезировалась на тех планетах Солнечной системы, которые пока еще не предназначались для заселения. Здесь без участия людей ничего не получалось, но это способствовало неравномерности развития планет, какая-то часть которых являлась пока лишь поставщиками сырья.

Сложную задачу представляло освоение новых планет. В

нем принимали участие граждане и Земли, и других миров Федерации. Очень непросто оказалось находить оптимальные варианты: на других планетах каждый человек порой был на счету, но эти люди, потомки недавних первопроходцев, лучше подходили для такой деятельности, чем жители давно и традиционно благополучной Земли.

Как всегда, нелегко приходилось с регулированием населения. Здесь постоянно требовалось находить равнодействующую между потребностями общества и желаниями каждого отдельного человека, которые далеко не всегда усреднялись по закону больших чисел.

Но при всем этом основным оставалось регулирование не материального, а творческого производства.

Каждый человек искал возможность максимального самовыражения. Но и здесь бывали свои приливы и отливы, что-то всегда преобладало, а что-то отставало, накапливая резервы для будущего. Приходилось, ничего не ограничивая, предусматривать завтрашнее, а частью и послезавтрашнее, развитие основных направлений и научного, и технического, и художественного творчества. Предвидеть это было важно, потому что для дальнейшего развития творчества неизбежно требовалась материальная база, а она не возникала на пустом месте и не являлась неисчерпаемой.

Очень непросто: суммировать то, что подсказывала история, что говорил ритм развития каждой области творчества, замедлявшийся или ускорявшийся в зависимости от велико-

го множества условий; приплюсовать к этому еще и частоту повторяемости явлений в различные эпохи и возможные, даже неизбежные колебания людских склонностей и вкусов, возникающие как под влиянием известных, но трудноучитываемых, так и под воздействием доселе еще неизвестных и непредсказуемых факторов. Суммировать и, руководствуясь знанием закономерностей развития вкупе с интуицией, сделать правильные выводы. В противном случае общество могло оказаться перед серьезными трудностями, его творческий потенциал не нашел бы своевременного выхода, а это грозило нарушениями общественного здоровья.

В масштабах Федерации подобного еще не случалось, но на отдельных планетах бывало. Например, на той же Ливии, родине Нарева, где, кажется (точно Карский не знал), руководство слишком доверилось своим вкусам и мнениям и не приняло во внимание реальные условия, направления и закономерности развития.

Сейчас, когда на пороге стояла очередная научно-техническая революция, на этот раз в области сырья, множеству людей предстояло найти новое приложение своим силам, чтобы продолжать жить активной жизнью, к которой они привыкли.

Об этом и собирался говорить Карский. Сегодня. На Земле.

Где она там?..

Администратор включил экран.

Широкий белесый серп висел, казалось, рядом. В северном полушарии день, видно, был облачным. Может быть, дождливым. Карский улыбнулся. Вдруг захотелось пройтись под дождем. Невдалеке от размытого внешнего края серпа сияла звезда. Администратор прищурился, ожидая. Серп медленно наползал на звезду, очень медленно. Значит, корабль лежал на орбите. Ждал очереди? Карский поднял брови. Он не впервые наблюдал Землю из космоса, но никогда еще пространство вокруг нее не выглядело таким пустым. Огоньки Большого Космофиниша поблескивали в самом углу экрана; вокруг спутника тоже было пусто. Карский нахмурился. Что случилось в пространстве?

Что-то показалось на экране: светлая точка быстро пересекала его по диагонали. Нельзя было понять, велико ли расстояние до нее – это мог быть и близкий метеоспутник, и идущий вдалеке корабль. Администратор машинально следил за точкой, как наблюдают за единственным движущимся в поле зрения предметом. Изображение укрупнилось: видимо, в рубке связи тоже наблюдали за небесным телом и регулировали кадр. Карский вытянул шею: там, куда направлялся огонек, находилось какое-то другое тело. Столкнутся? Вряд ли: тела могли находиться и очень далеко друг от друга, в пространстве глубина оценивается с трудом. По-видимому, огонек – финиширующий корабль; за ним тронется и «Кит». Администратор улыбнулся. Точки на экране совместились.

Вспыхнуло пламя небывалой мощности. Казалось, про-

странство взорвалось и извергало огонь, подобно вулкану. Глаза невольно закрылись. Когда администратор открыл их, вокруг стояла чернота, не было ни звезд, ни Земли – слишком ярким оказалось сияние миг назад. Карский чувствовал, как по щекам спускаются слезы. Потом сквозь мглу проступил расплывчатый белый серп, за ним и звезды. В месте взрыва было черно, только искорки вспыхивали и гасли вокруг.

Несколько секунд командор стоял, не произнося ни слова. Собравшиеся смотрели на него равнодушно или с едва ощутимым недоверием, и только два-три корреспондента, всегда крутящиеся в Космоцентре и носом чующие новости, нацелили камеры. Командор долго глядел на репортеров, заставляя себя разозлиться на них, потому что сказать людям то, что он собирался, куда легче, когда ты зол на них, чем когда испытываешь жалость и сочувствие, и ощущение вины в придачу. А тут ходят эти бездельники с камерами, мешают работать, не могут заняться чем-нибудь путным. Кто пустил их? Гнать их надо, гнать!

Он выговорил все залпом, как пьют горькое питье:

– Я вынужден сообщить, что «Кит», встречать который вы прибыли, пропал без вести на границе Солнечной системы. Приняты все меры, чтобы установить, что с ним произошло.

Он говорил – и слышал себя со стороны, как если бы тоже был родственником или другом пропавших, – да разве оно

не было так? Было тихо, очень тихо, и стало ясно, что вот сейчас, через долю секунды, тишину эту прорежет первый крик.

Глава третья

Искры в пустоте погасли. Капитан Устюг вынул ключ запуска зонд-ракет, закрыл кожух механизма и встал.

Все спали, а ему было очень скверно, и никто не мог помочь, потому что пока он не имел права ни с кем поделиться своим невеселым знанием. Где-то множество людей, наверное, еще напрягало ум и фантазию, чтобы найти способ спасения его и всех остальных, однако капитан достаточно знал физику, чтобы понять, что между людьми «Кита» и всеми остальными отныне пролегла бездна, и сейчас он в одиночестве стоял на ее краю.

Клубилась тишина, и оставалось достаточно времени, чтобы заглянуть в себя и попытаться сообразить – глубоко ли его раскаяние в том, что он избрал именно эту из всех возможных дорог. Детская внезапная мысль, как это бывает, определила интересы подростка и юноши, а профессия нередко воспитывает человека еще до того, как он овладевает ею. Желание увидеть недоступное сочеталось в нем со стремлением раскрыть до предела все, что было в него заложено, а потом, в училище и академии, раздумывать было уже некогда и незачем: даже человек, попавший в эту систему помимо желания (если бы такое когда-нибудь случилось), вышел бы из нее убежденным патриотом своего дела, наделенным любовью к профессии и каплей презрения

ко всем остальным, презрения не обидного, но необходимо-го, потому что человек, не считающий в глубине души свое занятие выше всех прочих, – плохой специалист. Начал он Девятым экипажа на многолюдных кораблях, ныне пригод-ных разве что для музейной экспозиции, и прошел нелегкий путь до Первого в окружении хороших людей, которых лю-бил и у которых учился. Он не сделался одним из тех, кого именуют героями, потому что не попадал в такие ситуации; героизм часто возникает там, где не хватило либо трезвого расчета, либо материальных средств, а экспедиции того вре-мени уже обладали и тем, и другим, и справлялись с делами на совесть. Когда Устюг стал капитаном, ему открылись две вещи: первая – что одни капитаны выходят в адмиралы, а другие – на пенсию и что он из этих вторых: для дальнейше-го продвижения требовалось такое честолюбие, каким он не обладал, и такое ощущение неудовлетворенности своей се-годняшней работой, ее буднями, какого у него тоже не было. Второе знание заключалось в том, что капитаном надо быть хорошим. Стремясь стать очень хорошим капитаном, он в глубине души порой жалел, что судьба с определенного вре-мени больше не ставила его в безвыходные положения, не давала возможности проверить, чего же стоит он – зрелый – по самому большому счету. А он хотел этого, потому что иначе никак не заживала ранка в душе, о которой мало кто знал, но он-то помнил.

Это случилось лет двадцать с лишним назад с еще совсем

зеленым Устюгом; приключилось вдалеке от трасс, по которым продвигалась цивилизация. Корабль терпел бедствие. Среди участников экспедиции находилась пара, чья любовь была всеми признана. Но, как это бывает, нашелся еще и третий. Угроза гибели донельзя обострила чувства. Люди не выдержали. Началось с кулаков, кончиться могло совсем плохо. Женщинам стало опасно выходить из кают; никто больше не занимался делом, и надежды выжить оставалось все меньше. Требовалась жестокость и выдержка, чтобы все вспомнили, что они – люди. Устюг понимал это, но не осмелился. Качества проявил другой; его убили, но затем опомнились. Спаслись удалось; в дальнейшем люди старались не встречаться друг с другом. Устюг тогда испугался. Страх он не мог простить себе и по сей день.

Разведка быстро изнашивает людей. После нее Устюг попал на пассажирские. Экипажи тут были малочисленны, а пассажиры явно не походили на участников поисковых бросков за край света. Но Устюг служил исправно потому, что полюбил теперь не только то, что служба давала, но и самое службу, ее процесс, как это рано или поздно случается со всеми, долго занимающимися делом и не имеющими определенного таланта к чему-либо другому.

И вот теперь, когда судьба поставила-таки его в безвыходное положение, он стал понимать, что был не совсем точен ранее, как и все остальные, кто тоскует о том же: не о безвыходных ситуациях мечтают они, но о таких, откуда выход

есть — только он не каждому виден, и не каждый способен, даже заметив, им воспользоваться. Квазибезвыходные положения — так, пожалуй, следовало бы их определить; положение же, по-настоящему безвыходное, возникло сейчас, и деваться оказалось некуда. Настало самое время спросить: жалеешь? — и, поразмыслив, ответить: нет. Потому что сожаление об избранном образе жизни сейчас оказалось бы предательством по отношению к тем, кто выбрал то же — и погиб раньше, не успев и не желая разочароваться.

Он сам видел, как гибли некоторые из прекрасных и спокойных товарищей. Такова была специфика. Возможность печального исхода предполагалась в разведке заранее; значит, его никто не подвел и не обманул, не стоило обижаться ни на других, ни на себя. Просто его гибель растягивалась, агония могла оказаться долгой. Но кто знает, каково приходилось тем, у кого она была краткой?

Придя к такому выводу, капитан кивнул. Играла музыка. Он вслушался: Лунная. Капитан усмехнулся. Аппарат — подарок друга детства — работал исправно: улавливая поле капитана, он сам выбирал кристалл с записью, соответствующей настроению человека. Это был прекрасный анализатор психики, жаль только, что перенастроить его на других не удавалось; изобретатель так и не взял патент и не обнародовал изобретения — в принципе он был против контроля над людской психикой и лишь своим друзьям дарил небольшие ящички с ежиком коротких антенн; частота каждого прибо-

ра была строго фиксированной. Итак, автомат понял настроение капитана раньше, чем сам Устюг; дальнейшая программа действий предписывалась музыкой. Капитан стоял, пока запись не кончилась. Потом вышел из центрального поста и пошел по кораблю – по своему дому, своему миру, своей жизни.

Устюг бродил по «Киту», но прощался с Землею. Приведя чувства в порядок, он старался понять, постичь, привыкнуть к тому, что с ними произошло, но это никак не получалось. Прощание выходило формальным: капитан еще не осознал до конца, что вот этой Земли, на которую он глядел сейчас из прозрачного купола обсерватории, ни в его жизни, ни в жизни остальных, находящихся на борту, больше никогда не будет.

Потом, в другом корпусе, прислонившись лбом к холодному кожуху одной из батарей, он вдруг понял, что постичь это нельзя так же, как нельзя понять смерть: невозможно уразуметь то, о чем ничего не знаешь. Земля была в их жизни всегда, даже у тех, кто ни разу не посетил этой планеты, родился и вырос в какой-то из далеких звездных систем. Земля была, и что теперь придется обходиться без нее, не достигало сознания.

В пассажирскую палубу Устюг пришел, сам не желая этого: привели ноги. Он остановился около одной из кают, он знал, кто живет в ней, и ему чудилось, что он слышит легкое дыхание Зои, хотя даже мощный храп Еремеева не мог бы

донестись из кокона.

Он стоял у двери и даже не думал о Зое, но всем существом чувствовал ее реальность и ощущал, как – вопреки всему – растет в нем радость. После того давнего случая он испытывал перед женщинами ощущение вины, потому что не он уберег их; поэтому он их сторонился. Сейчас чувство вины вдруг обратилось в другое, огромное, казалось ему, настолько, что даже после потери Земли у него оставался целый мир и целая жизнь.

Не хотелось уходить отсюда... Потом капитану показалось, что у стены, в кресле, кто-то шевелится. Устюг подошел; в полумраке он узнал пожилого пассажира Петрова, который весь рейс (кроме тех часов, что пассажиры провели в коконах при входе в сопространство и выходе оттуда) просидел в одном и том же кресле. А ведь на самом деле, подумал капитан, вглядываясь, Петров вовсе и не был так стар. И вряд ли только старческой бессонницей объяснялось то, что он сидел тут, когда всем пассажирам полагалось спать в коконах, чтобы уберечься от перегрузок при посадочных эволюциях.

– Почему вы здесь? – строго спросил Устюг.

– Не знаю, – помедлив, негромко ответил Петров. – Мне электросон противопоказан, да и сколько спят в мои годы?

Помолчали. Капитану не хотелось оставаться одному.

– У вас есть кто-нибудь там?

– На Земле?

– На Земле, на планетах – все равно. В мире.

– Жена, – ответил Петров. И после паузы добавил: – Мо-
ложе меня.

Капитан вздохнул.

– Надо спать, – сказал он.

– Думал дождаться. И время пришло, а корабль словно
вымер. Что-то стряслось, капитан? У нас неисправности?

Словно во сне: полумрак, приглушенные голоса... Капи-
тану показалось на миг, что ничего не произошло: слиш-
ком невероятным все было. И вместо того, чтобы выговорить
пассажиру за самовольный выход из кокона, он ответил:

– Корабль в порядке.

– Значит, сообщение с Землей установлено?

– Нет. Никто не может сойти с корабля. Даже я.

– Даже вы. И даже администратор Карский?

– И он.

– Что же испортилось? Неисправности на Финише? На
Земле? Что разладилось?

Капитан подумал.

– Мир.

– Ага, – сказал Петров не удивившись. – Но это бывало
и раньше. Что же, может, я еще вздремну. – Он поднялся,
и капитан увидел рядом его глаза и по глазам понял, что на
самом деле Петров очень хочет спать.

– Укройтесь в кокон, – сказал Устюг вдогонку.

Петров кивнул и скрылся в своей каюте.

Что-то было не в порядке. Администратор чувствовал: что-то не так. Странно, необычно. Тревожно.

Пустое Приземелье. Взрыв. Непонятная неподвижность корабля. (Карский так и подумал «неподвижность», хотя «Кит» двигался, конечно, по занятой им орбите.) Безмолвие внутри. Что произошло? Опыт не подсказал ничего, с чем можно было бы сравнить нынешнюю ситуацию. Между тем время шло. Пространство на экране по-прежнему оставалось безжизненным. Легко представлялось, что Земля перестала быть обитаемой.

Администратор решительно шагнул к выходу.

В салоне было почти совсем темно. Карскому показалось, что где-то с легким шелестом открылся и закрылся вход в каюту. Он оглянулся, но никого не увидел.

Покинув салон, администратор подошел к шахте лифта, соединявшего пассажирские палубы с ярусами, где находились центральный пост и каюты экипажа.

Как и все люди, не служившие на кораблях, но лишь пользовавшиеся ими как средством транспорта, Карский невольно воспринимал салон, залы и комфортабельные каюты «Кита» как центр и основу этого сложного инженерного создания. Палуба управления, с ее скупой и рациональной отделкой, с другой, инженерной элегантностью, сверканием приборов, ярким белым светом и едва уловимым запахом теплых механизмов, показалась администратору неожиданной

и даже чуждой кораблю. Но у него не оставалось времени на оценку впечатлений, и он уверенно двинулся вперед по коридору.

– Стой! – услышал он.

Вздрогнув, Карский остановился. Оглянулся. Никого не было. Но голос звучал, монотонный и негромкий.

– Ты перекрыл среднюю? Ты перекрыл среднюю?

Администратор принужденно усмехнулся: он понял, в чем дело, и зашагал дальше.

– Внешние включены, – сообщил другой голос. – Включены.

– Внимание, внимание. Семнадцатый просит внимания. Индекс пять – выше.

– Будь осторожен: второй в режиме...

– Три, семнадцать, восемьдесят восемь, два, два...

Это говорил корабль, докладывая вошедшему о том, что беспокоило или, напротив, должно было успокоить людей. Корабль следил за собой сам; иначе три человека не смогли бы даже стронуть его с места, не говоря уже об управлении тысячами механизмов во время многонедельного полета.

Корабль говорил, но людей не было. Не ощущалось никакого движения, словно бы экипаж вовсе не готовился завершить рейс.

Администратор опять взглянул на свой хронометр. Каждый раз он делал это все более нервно.

Он ускорил шаги и, подойдя ко входу в центральный пост,

всей ладонью нажал пластинку.

Вход не открылся. Такой же монотонный голос проговорил:

– Вход только для членов экипажа. Извините.

Администратор поднял руку к нагрудному карману. Вынул тонкую пластинку: удостоверение Совета Федерации открывало доступ в любое помещение, где бы оно ни находилось и сколь бы ни был ограничен круг людей, имевших право на вход. Карский поискал глазами и нашел узкую щель. Вложил туда пластинку, придерживая за край пальцами.

Ничего не изменилось. Лишь фраза, произнесенная автоматом, прозвучала иначе:

– В центральном посту никого нет. Доступ запрещен. Извините.

Карский озадаченно сжал губы. То, что автомат не впустил его, было естественно: центральный пост корабля принадлежал к помещениям, которые можно было посещать лишь в присутствии специалистов, так что не это обеспокоило администратора. Но, значит, в посту нет ни одного члена экипажа, хотя корабль находится рядом с Землей?

Это уже говорило о неблагополучии.

Что могло произойти? Вымерли все, что ли? Или экипаж съехал на Финиш, не разбудив пассажиров? А может быть, все успели высадиться, а он проспал и о нем забыли? Бред какой-то.

Но не случилось ли... не случилось ли чего-то на Земле?

Что же именно? Катаклизм? Эпидемия? Война? Вторжение пришельцев?

Мысли, как на подбор, приходили одна глупее другой.

И все же что-то произошло. Судя по тому, что на корабле все, кажется, исправно, беда стряслась именно на планете.

На Земле беда, а он, член Совета Федерации, заперт на корабле. А ведь в беде каждый руководитель на счету, для каждого найдется задача, которая, может быть, только ему и под силу. Нельзя оставаться здесь. Долг требует его присутствия там, где трудно. В центральный пост не попасть, значит, связаться с Советом нельзя. Надо действовать иначе – и решительнее.

Карский принял решение, шагая по коридору назад, больше не обращая внимания на корабельные голоса.

В каюте он взял самые необходимые документы, уложил их в чемоданчик и вышел в салон.

Стояло безмолвие. Чуть задрожал пол – это внизу включился и через несколько минут выключился какой-то из дежурных механизмов. Администратор направился к выходу. Он шагал уверенно, как человек, знающий, что он осуществляет свое право.

Когда он скрылся за дверью, из своей каюты вышел Петров.

Между пассажирской и катерной палубами было прямое сообщение – путь эвакуации, но Карский не стал пользоваться им: возможно, это привело бы в действие сигналы трево-

ги. Администратор подошел к переборке, за которой пролежала главная шахта корабля, нащупал пластинку и открыл ход. Ногой он нашарил первую ступеньку винтовой лестницы, углублявшейся в шахту рядом с колодцем лифта, и начал спускаться.

Далеко вверху горел слабый свет. Ступеньки негромко гудели под ногами. Карский спускался долго. Потом у самых глаз его вспыхнула красная надпись. Она мигала.

ОПАСНО! ОПАСНО!

Администратор повернулся и стал подниматься. Он едва не столкнулся с Петровым.

Оба отступили на одну ступеньку каждый и несколько секунд стояли, пытаясь разглядеть друг друга.

– Кто тут? – спросил администратор вполголоса.

– Пассажир Петров. А это, значит, вы, администратор?

– Зачем вы идете за мной?

– Я не собираюсь мешать вам.

– Вы знаете что-нибудь – что произошло, почему нас не высаживают?

– Нет. Но может быть, не стоит рисковать?

– Почему вы думаете?..

Петров не ответил.

– Мне нужно быть на Земле, – сказал администратор.

– Что же, – почти равнодушно ответил Петров. – Мне тоже. Я с вами.

Карский чуть помедлил, оценивая решимость, с которой

были произнесены эти слова. В жизни, как и в политике, он был реалистом.

– Идемте. Двадцать ступеней вверх. Я проскочил.

Они поднялись.

– Стойте. Я пройду вперед.

– Нет, – сказал Петров.

Они сделали несколько шагов по темному коридору.

– Теперь, пожалуйста.

– Тут.

– А вам дадут сесть на Финише?

Карский помолчал, на шаривая вход в элинг. На этот раз его пластинка сработала. Послышался легкий звон.

– Ага. Вот мы и почти дома.

Устюг бродил по кораблю и думал, думал, пока не устал. Тогда он вернулся в центральный пост.

На панели горел зеленый огонек вызова. Капитан включил триди-связь, стараясь не торопиться, но голос его, помимо воли, прозвучал чуть заискивающе, потому что надежда ожила в душе. Командор вышел из ничего и уселся в нише триди-экрана. Капитан взглянул на него, понял и сказал:

– Я вас внимательно слушаю.

– Что будешь делать?

– Откровенно говоря, командор, не знаю. Вот хотел вспомнить – может быть, такое уже случалось с кем-нибудь – хотя бы в книжке. Не вспомнил. Никакого опыта. Значит,

обстановка покажет. Или... удалось что-нибудь придумать?

Командующий флотом ответил не сразу?

– Да, приоритет твой неоспорим... Нет, ничего радостного. Расскажу. Но сперва вот что: Совет хочет говорить с администратором Карским.

Устюг понимающе кивнул.

– Есть.

– Разбуди его. Объясни ситуацию. Я обожду тут.

– А вы осторожно ведете, – одобрительно сказал Петров.

Рука администратора лежала на секторе тяги.

– Идем на допустимой здесь скорости. В Приземелье порой приходится измерять тягу граммами, а расстояния – сантиметрами. – Рука слегка отвела сектор, катер ощутимо дрогнул. – Тут не летают по прямым, да это и не нужно. – Администратор взгляделся. – Это что еще за чучело? Пропустим его.

Странная машина виднелась впереди – цилиндр со слегка расширенными торцами, подобие катушки для ниток. Кораблик ничем не напоминал трансгалактические лайнеры и медленно дрейфовал по своей орбите, затемняя звезды.

– Таких я не встречал, – признался Петров.

– Какая-то из вспомогательных машин. Не все ли равно?

– Командор, его нет!

– Администратора?

– И катер выброшен.

Командор хмуро кивнул.

– Следовало ожидать.

– Это опасно, командор.

– Можете не объяснять. Ждите, я вызову вас потом.

– Администратор! – Петров схватил Карского за руку. – Смотрите!

Карский мгновенно включил тормозные.

– Режет нос, словно на свете нет правил! Задайте жару портовым властям!

– Сначала надо попасть в порт. Этот, кажется, идет к Финишу. Может быть, он знает, в чем дело? Переключите связь на общий канал. Нулевой.

– В этом я разбираюсь.

Переключатель щелкнул, и тесную кабину катера наполнил крик:

– Катер «Кита»! Если не будет ответа...

Администратор откашлялся.

– Борт в кубе пять – тридцать – восемьдесят два! Что происходит? Почему Финиш не принимает корабли? Отвечайте!

Петров напряженным голосом спросил:

– Что он, по-вашему, собирается делать?

Кургузый корабль уравнил скорости. Он шел теперь как-то боком, обратившись торцом к катеру. Администратор услышал:

– Катер, к вам чистильщик. Немедленно тормозите и возвращайтесь на ваш корабль!

– Диспетчер Космофиниша! – позвал администратор. – Я катер «Кита». Прошу приказать капитану в кубе пять – тридцать...

Голос диспетчера перебил его:

– Катер, выполняйте указание: немедленно тормозите!

Заговор, – мелькало в мозгу Карского. – Что-то с Советом, иначе трудно предположить... Нет, ни за что!

Петров видел, как сжались пальцы администратора на секторе тяги. Карский, упрямо наклонив голову, четко произнес:

– Диспетчер, я администратор Карский, член Совета Федерации. Тороплюсь. Прошу обеспечить свободу маневра!

– Я чистильщик! – вмешался голос с корабля. – Готов атаковать катер. Жду команды.

– Крепко сказано, – проговорил Петров.

Карский покосился на спутника.

– Я прорвусь.

– Вы рискуете, администратор.

– Бойтесь?

– Не за себя.

Карский двинул сектор. Катер набрал скорость.

– Оператор, видите цель?

– Вижу катер.

– Пять секунд. Внимание! Четыре!

– Командир...

– Три!

– Командир, что же это? Я не стану!

– Приказываю!

– Там люди!

– Ноль! Импульс!

Оператор молчал.

– Импульс!!!

Командир чистильщика вскочил, отшвырнул оператора от пульта, сел сам. Катер успел уйти далеко.

– Три градуса вправо! – крикнул он пилоту.

– Ради чего, капитан? – тихо спросил пилот.

– Это чума, – сказал командир. – Хуже чумы – смерть.

– Что такое чума? – спросил пилот. – А если смерть, то ведь убить хотим мы?

– Молчат, администратор! Молчат!

– Я ожидал этого: кто способен убить человека?

Карский снова нагнулся к микрофону.

– Терплю бедствие. Прошу помощи. Говорит администратор Карский...

– К вам Слай с чистильщика, командор. Может быть, обойдемся без уничтожения? Я могу ударить его защитным полем.

– Сделайте это немедленно. Моя ответственность.

– Есть!

– Держитесь! – успел сказать Карский.

Петров повернулся к нему, вытянув руки. Администратор так и не успел понять: хотел ли старик обнять его, или наоборот – стиснуть, задушить...

Незримая волна налетела, швырнула катер, закружила. Администратор ударился головой о пульт. Что-то визжало, скрежетало. Массивное кресло со всей защитной системой сорвалось, налетело на администратора – чавкнуло, хлынула кровь. Петрова что-то задело по затылку, он тоже потерял сознание.

Густая красная капля упала на пульт. Кровь капала из прокушенной губы. Командующий поморщился.

– Капитан Устюг!

– Слушаю вас.

– Надо подобрать катер.

– Настигаю его. Командор, пора что-то делать. Рентгеновское излучение нарастает. И нельзя так долго держать пассажиров в коконах: они не прошли подготовки.

– Хорошо. Тут один из ученых мужей дал такой совет – неофициально: раз это произошло с тобой, вероятнее всего, при переходе, то попробуй несколько раз повторить его. Кто знает, может быть, обстоятельства совпадут, и все образуется.

– Понял, – оживившись, сказал капитан.

– Перед разгоном сбрось катер. Когда выйдешь – разыщи его и выпусти ракету. Он ведь так и останется антивеществом. Ясно?

– Все ясно. Молодец! А почему он неофициально?

– А потому, что ненаучно, – ответил командор.

– Ага, – сказал Устюг. – Против устава, значит. – Он помолчал. – Приближаюсь к катеру. На вызовы не отвечает.

– Думаю, ему там досталось. Но что было делать? Да. Значит, если все пройдет, как надо, сразу гони назад. Устроим вам такую встречу...

Устюг глядел в сторону – на боковой экран, на котором медленно вырастал катер.

– А если нет? – негромко спросил он. – Тогда – закрыть дверь с той стороны?

Командор откашлялся, словно готовясь к речи, но так ничего и не сказал.

– Понял вас, – промолвил Устюг после паузы.

– Да. Тогда, наверное, лучше всего – уходить. Туда, где вакуум поглубже. Обезопасить себя.

– Для чего?

Командор строго взглянул на капитана:

– Жизнь еще не кончена. Пусть сейчас ничем нельзя помочь вам. Но в этом направлении будут работать. Земля – сила все-таки. Я думаю, надо сделать вот что. Если переходы не дадут ничего нового, останьтесь на таком расстоянии от

Земли, чтобы можно было поддерживать связь. Хотя поговорить сможем... И, глядишь, не через год – через три, пять, десять найдут-таки способ. Дело скверное, но не безнадежное, понял? Так что, – он помедлил, – приказывать не могу, но прошу: крайних решений не принимай.

– Точно, – сказал капитан Устюг, – приказывать вы не можете. – Он помедлил. – Попрощаться дадите?

– Вряд ли. А ты бы дал?

– Бойтесь осложнений?

– Словно ты не боишься.

Капитан пожал плечами.

– Не знаю. Может, и боюсь. – Он подумал. – Конечно, сценны будут не для нервных. Но по-человечески...

– Мы тут прикидывали. То, что случилось – непонятно. Непонятное пугает. Общественность потребует прекратить рейсы машин класса «А» до выяснения причин. Поди, выясни! А ведь вся Федерация нуждается в связи с Землей, и класс «А» теперь – основное средство дальнего транспорта... Да что я тебе стану лекции читать! – вдруг разозлился командор.

Он прав, понял Устюг. Он остается на Земле, и ее интересы для него главнее. Не надо свое несчастье делать самым большим на всей планете. Что для человечества – полтора десятка человек? Ну, о Карском еще вспомнят, а мы все? Беда, конечно, но не катастрофа... Раньше было иначе, вдруг подумал он. Раньше место, где жила тысяча человек, счи-

талось уже немалым городом, а ведь тысячу можно знать в лицо, и исчезновение каждого из них заметно. Странно – а жизнь ценили меньше, убивали легко. В наше время не убивают, но что такое – нас тринадцать для пятидесяти миллиардов Федерации, или сколько их уже на сегодня... Крутится машина Федерации и без нас будет крутиться так же. Люди и так не сидят на месте. Сколько мы их перевозили... Каждый абсолютно свободен, но это значит, что вроде бы и не нужен? – вдруг удивился он. – Деталь в механизме несвободна, но только там она и приносит пользу. А если валяется вне машины – она лом, утиль... Но к чему эти размышления? – подумал наконец капитан, и ему захотелось поскорее закончить разговор и хоть немного расслабиться, прежде чем начать действовать.

– Презираешь нас? – сказал командор. – Но сделай два дела, добро? Заложи все свободные кристаллы в автомат для записи. Я приказал дать тебе столько информации, сколько сможешь принять. Больше ничем снабдить тебя не можем. Запись поведут ускоренно, кодом. Это тебя не задержит.

– Будет исполнено.

– И второе: может, разбудишь экипаж? Я бы им что-нибудь сказал... Экипаж-то хороший? Я ведь только вас, капитанов, и знаю.

Капитан Устюг покачал головой:

– Говорить не надо.

И в самом деле, не надо. Что мог сказать командор? Ве-

дите себя хорошо, слушайтесь капитана? Капитана и так положено слушаться, но в критических ситуациях его слушают только, если он действительно того стоит, а это он должен доказывать сам, не через начальство. Так что уговаривать никого не надо, от этого лучше не станет. Командор это хорошо знал, но считал себя обязанным предложить капитану хоть такую помощь.

– Что ж, правильно. Тебе с ними жить, и жить своим авторитетом. Так... Что еще я могу сделать для тебя лично? На Земле ты – один?

– Давно.

– Значит – ничего?

Капитан серьезно поглядел на командующего.

– Не поминайте лихом.

– И ты не обессудь. Ну, дай руку. Верю. До встречи.

Устюг протянул руку к объемному изображению. Пальцы прошли сквозь пальцы. Потом командор исчез, остался лишь молочно светящийся экран. Вот так, подумал капитан, выглядит дверь этого мира, когда затворяешь ее с другой стороны.

Катер был принят в элинг. Капитан сам разблокировал и отворил люк. Брови его поднялись: в люке показался Петров. Ссадины делали его похожим на первобытного вождя в боевой раскраске.

– Ну-ка быстрее, – сказал Петров. – С ним беда.

Капитан лишь сжал губы. От старика он таких сюрпризов не ожидал. Ладно, будет время – еще поговорим на эту тему.

Карский был, вероятнее всего, уже мертв. Кабина катера показалась капитану незнакомой: зеленоватые стены ее были усеяны красными пятнами. Устюг вдвоем с Петровым освободили администратора от лежавшего на нем кресла; капитан хотел взять Карского за ноги, но вовремя удержался: одна нога была вытянута под странным, невозможным углом к телу; Устюг посмотрел – и отвел глаза. Левую руку тоже, по видимому, восстановить не удастся. Он дотронулся до руки, Карский вздрогнул. Значит, жив, и на том спасибо.

Вдвоем с Петровым они переправили администратора в госпитальный отсек. Потом капитан срочно вызвал на связь командора. Главный хирург флота был оповещен сразу же. Уход задерживался, и пока врачи, собравшись в Космоцентре, разглядывали на экране не приходившего в себя Карского, капитан, ассистируя им и поворачивая систему рычагов и растяжек, в которой был укреплен Карский, то в одну, то в другую сторону, все чаще поглядывал на индикатор рентгеновского излучения.

Когда медики достаточно нагляделись и начали совещаться, капитан получил, наконец, свободу. Надо было срочно готовить корабль к выходу, но он медлил.

Если бы спасение «Кита» и пассажиров зависело от экипажа, Устюг, не колеблясь, приказал бы любому пожертвовать жизнью, и каждый член команды – а сам он в первую

очередь – пошел бы на смертельный риск, будь в этом хоть какой-то смысл.

Метеоритные атаки, зияющие пробоины в бортах, вышедшие из-под контроля реакторы, скрытые, самые подлые нарушения герметичности, выход из строя навигационной аппаратуры, шизофреник, грозящий взорвать корабль, – все эти и многие другие мыслимые несчастья сейчас представлялись ему едва ли не желанными: любое из них призывало к активным действиям, заставляло людей выложиться до конца и не оставляло времени для страха и размышлений о печальном будущем.

А сейчас от них не требовалось ничего, кроме спокойного ожидания. И это оказалось вдруг самым страшным.

Люди оставались людьми. Инстинкт самосохранения и боязнь неизвестности, хотя и загнанные дисциплиной и гордостью глубоко внутрь, продолжали жить в каждом. И капитан знал, что в первую минуту – покажут это люди или нет – их неминуемо охватит отчаяние.

Ничто не может быть страшнее отчаяния в замкнутом помещении. Последствия могли быть многообразными, но одинаково печальными.

Поэтому Устюг, напрягаясь, пытался вспомнить до мельчайших деталей, как вели себя инженер и штурман в различных случаях? Память не помогла. Капитан все более убеждался в том, что их совместные полеты на корабле «Кит» были невыразимо благополучны. Острых ситуаций, не говоря

уже о критических, в рейсах не возникало – и это было естественно: только так и могли служить на пассажирской машине уважающие себя люди. Конечно, Устюг был знаком с прошлым своих товарищей, хотя оно давно уже не фиксировалось в обязательных документах, традицией являлось – придя на корабль, рассказать о себе. Однако люди, рассказывая о себе, не любят похвалы – настоящие люди, понятно. И то, что сейчас пригодились бы капитану, оказалось за пределами этих лаконичных рассказов.

Возможно, он еще не один десяток минут потратил бы на такого рода размышления, но их прервал вызов. Врачи пришли к единому мнению, и капитану было приказано готовить Карского к операции.

Он переключил связь на госпитальный отсек и уложил администратора так, как ему сказали. На экране было видно, как несколько хирургов встали у манипуляторов. Сложная геометрическая система рычагов, вооруженных хирургическими инструментами, опустилась с потолка операционной каюты «Кита» и застыла над больным. Хирург на экране сделал быстрое движение рукой; на своем экране, на Земле, он увидел, как тонкий, блестящий рычаг опустился и повторил его движение, делая разрез. Спасти ногу и руку в этих условиях представлялось невозможным, речь шла о сохранении жизни. К счастью, запас крови на корабле оставался нетронутым. Связь работала великолепно, каждое движение врачей повторялось с запозданием, потребным для того, чтобы вол-

ны из Космоцентра дошли до антенн «Кита» – всего лишь. Капитан заставлял себя смотреть, не отводя глаз: испытание уже началось, и каким будет продолжение, он не знал и должен был приготовиться ко всему. Через сорок минут операция кончилась. Руку и ногу предстояло регенерировать; в корабельных условиях, при его относительно слабой установке, процесс этот должен был растянуться на месяцы. Капитан, выслушивая указания, привел в действие регенератор и укрепил все, чтобы ничто не нарушилось при перегрузках. Лишь теперь он сказал, что на борту есть врач, и в дальнейшем именно она будет вести наблюдение за больным. Главный хирург нахмурился, но не высказал ни слова в упрек, он был не просто врач, а врач Трансгалакта, и понимал, что отступления от правил порой бывают необходимы.

Когда капитан возвратился в центральный пост, там звучала музыка. Устюг усмехнулся: это была Третья Героическая, часть третья – скерцо, аллегро виваче. Он подождал, пока прозвучит негромкий призыв к атаке – так он понимал это место.

– Да, – сказал он себе. Что ж, надо полагать, автомат понял обстановку правильно.

Капитан подошел к пульту и включил сигнал.

В каютах экипажа залились звонки тревоги.

– Наша очередь, мастер? – спросил Луговой. Он был свеж и безмятежен, влажные волосы лежали красиво и свободно.

Хорошие волосы, густые, ни сединок в них. Пока что.

– Да, – сказал капитан сухо. – Пришел наш черед.

Инженер Рудик тонко разбирался в капитанских интонациях. Он быстро обвел взглядом центральный пост, но не обнаружил никаких поводов для тревоги.

– Что случилось? – спросил он все же.

– Сядьте. Обрисую обстановку.

Он объяснял недолго. Потом наступила такая тишина, что когда с обычно неслышным щелчком включился климатизатор, им показалось, что ударил выстрел – все трое вздрогнули и подняли глаза; потом головы снова опустились.

Луговой смотрел на свою руку – смотрел так, словно видел ее впервые в жизни. Гладкая белая кожа, тонкие светлые волоски, ровно обрезанные ногти. Сейчас он в первый раз заметил, что пальцы – средний и безымянный – у него чуть изогнуты навстречу друг другу; на указательном, около самого ногтя, сохранился, оказывается, маленький рубчик – здесь был нарыв много лет назад – а вообще, если подумать, не так уж давно это было... Своя рука, часть его самого, сейчас выглядела чужой и даже страшной; дико было сознавать, что состоит эта рука не из нормального, обычного вещества, а из страшного своей непривычностью – противоположного. По виду ничего не скажешь... Штурман перевернул руку ладонью вверх и с тем же упорством стал разглядывать ладонь, словно в линиях, которыми она была разрисована,

можно было отыскать ответ на любой вопрос и даже на главный: что же теперь будет?

Он взглянул на капитана – украдкой, потом прямо. Капитан был человеком, которому Луговой верил во всем, который все знал и умел, с кем ничего не могло случиться. От капитана исходили разумные и своевременные приказы, и если сейчас он порядком напугал друзей, то лишь для того, чтобы через минуту пояснить, что выход им уже найден и надо лишь сделать то-то и то-то. Луговой ждал, но капитан медлил, не отдавая распоряжений. Тогда штурман спросил:

– Что надо делать, мастер? Я готов.

– А ты инженер? – спросил капитан.

Рудик себя не разглядывал: человек – устройство приближительное, не поддающееся строгому расчету. Он медленно поворачивал голову от одного прибора к другому в поисках того отступления от нормы, которое он, инженер, проглядел при первом, беглом осмотре. Но все выглядело нормально, и это вызывало в инженере раздражение. До сих пор он сталкивался лишь с такими нарушениями естественного хода событий, которые можно было устранить с помощью инструментов и ремонтных автоматов. Теперь же приборы показывали норму, но непорядок все же был – раз Устюг утверждал это. Рудик склонил голову к плечу.

– По нормальным законам, – неспешно проговорил он, – нам сейчас положена профилактика на Космофинише и замена узлов, выработавших ресурс. Остальное, тебе виднее.

– О профилактике забудь, – сказал капитан.

– Тогда командуй, – сказал Рудик. – Что станем делать?

– Прыгать, – объяснил капитан на их привычном жаргоне. – Прыгать в сопространство и обратно – пока не вернемся к норме или не разлетимся вдребезги.

– Всего и делов, – сказал инженер.

– Не так просто. Надо как можно точнее воспроизвести условия. Начать переход в той точке, куда мы вышли, возвращаясь с Анторы, – твоя задача, штурман. Соблюдать все режимы до мелочей – это тебе, инженер.

– Ясно. Мне надо как следует полазить по всем закоулкам, раз уж обслуживания мы не получим.

– Сколько понадобится времени?

– Постараюсь побыстрее. Но сам знаешь: выигрыш во времени – проигрыш в безопасности. Считай, несколько дней. На Космофинише копались бы две недели.

– Тогда отойдем подальше от Системы, и придется будить пассажиров.

– А они не устроят нам детский крик на лужайке? – поинтересовался инженер.

– Поживем – увидим, – неопределенно ответил капитан.

«Если поживем» следовало сказать – «если» он опустил.

Путь для них был расчищен, как никогда. Вокруг было пусто; сияла Земля в третьей четверти, да чистильщик маячил неподалеку. Капитан вызвал его.

– Эй, помело, – сказал он, пытаясь говорить бодро. – Кто на связи? Я «Кит», капитан Устюг.

– Капитан Слай слушает.

– Настоятельно советую отойти подальше. Сейчас начну разгон.

Капитан Слай колебался.

– Видишь ли, мне приказано проследить...

– Ты-то меня знаешь?

– Да, – сказал капитан Слай. – Ладно, отхожу. – Он передохнул. – Значит, доброго пути.

– Счастливо оставаться, – ответил Устюг, с тоской понимая, что это, может быть, последние слова, какие он говорит человеку с Земли. Последние в жизни.

Командор огляделся. Его салон в Космоцентре был полон; тут была, кажется, вся смена, да еще и подвахтенные – все, кроме дежурных диспетчеров. Информация утекала прямо-таки катастрофически. Надо было взгреть кого-то. Потом, не сейчас. Сволочи, трепачи, подумал командор. Толкуются тут, целые и невредимые. А такого, как Устюг, не убергли. Лучшего капитана!..

Устюг не был лучшим капитаном, и худшим не был, а просто средним, одним из десятков, и командор это знал рассудком. Но сердцем ощущал, что теряет все-таки самого лучшего, и каждый, кого ни приходилось ему терять в жизни, был лучшим, потому что другие оставались, а этого уже не было.

Корабль «Кит», гибрид груши с тыквой и телефонной трубкой (как именовался этот класс машин в профессиональном просторечии), плавно ускорил движение, разгибая орбиту. Звезды, на фоне которых он был виден, мелко задрожали; потом фиолетовая дымка затянула их.

Странное дело: «Кит» уходил в одиночку, а здесь оставалось все – флот, Земля, человечество. Но почему-то командору на миг показалось, что это он отстал, остался, а люди уходят, друзья уходят вперед. Скверное чувство, когда друзья идут вперед, а ты стоишь на месте...

В Космоцентре кто-то включил траурный марш.
– Уберите дурака! – сквозь зубы приказал командор.
Фиолетовая точка таяла вдали.

Глава четвертая

– А девочка-то плакала, – сказал Карачаров, взглянув на только что появившуюся в салоне Веру. – Глазки красные, как у кролика. Или надо сказать «как рубины»?

Физик чувствовал себя великолепно. Он выспался, а пробудившись, прежде всего вспомнил, что уже сегодня окажется на Земле. Ну, тогда – держись! Признание, возможность работать широко, с размахом, ожидали его на планете, а думать об еще не начатом, что можно обозреть в общем виде, не отвлекаясь мелочами, – самое лучшее, что доступно человеку. И физик был счастлив, гудел под нос песенку и ему казалось противоестественным, что кто-то плачет, когда жизнь так прекрасна. Он покровительственно улыбнулся девушке.

– Утенки малые! Кто нас обидел?

Вера покачала головой и торопливо отошла. Карачаров критически поглядел ей вслед – мудрый старец, знающий, сколь мало стоят тревоги молодости – и подошел к Петрову, уже успевшему занять облюбованное им кресло.

– Привет вам, метр. И всюду страсти роковые, – назидательно произнес физик.

– С добрым утром, – откликнулся Петров, – почему «метр»?

– Как! Я ведь уже говорил вам, кто вы такой – школьный учитель на пенсии, путешествующий, чтобы увидеть мир, о

котором он всю жизнь рассказывал детям. Разве я не прав? У меня поразительный нюх на людей, я определяю их с первого взгляда. Итак, вы, метр уже собрали чемоданы?

– Никто не говорил, что пора.

– Ах да, не было звонка с урока. Господи, какие вы все сегодня скучные! В такой солнечный день...

Освещение в салоне было обычным, но физик был уверен, что день нынче солнечный. Услышав звук шагов, он резко повернулся.

– Здравствуйте, ваше величество! Ничтожнейший из рабов приветствует вас.

Сегодня, думала Зоя. Сегодня на Земле. Она улыбнулась физику, как если бы пред нею стоял Устюг, и Карачаров даже задохнулся. Он пробормотал:

– Не надо так – я могу ослепнуть...

Писатель вошел с чемоданом и поставил его у стены.

– Я человек предусмотрительный, – объявил он для всеобщего сведения. – Который час? У моих сел элемент.

Физик взглянул на свой хронометр с календарем.

– Без десяти девять по общему, – любезно ответил он, но тут же нахмурился и еще раз посмотрел на часы, на этот раз внимательно. – Погодите, какое сегодня число?

– Тридцать первое, естественно, – сказал Нарев.

– А у меня первое, – с неудовольствием сказал физик. – Не понимаю. У кого еще есть календарь?

– И у меня первое, – проговорила Мила.

– Позвольте, – сказал писатель. – Как может быть сегодня первое, если мы должны быть на Земле тридцать первого? Разве бывают такие опоздания?

– Ручаюсь, что мы еще не на Земле, – молвил физик, чье настроение стало стремительно портиться. – Но вот где мы?

Он подошел к выходу на прогулочную палубу, нажал пластинку, но проход не открылся. Зато в противоположных дверях показалась свежая после долгого сна актриса. Увидев общество в сборе, она испуганно ахнула, тут же улыбнулась, низко присела и послала всем воздушный поцелуй, словно со сцены.

– Я не опоздала? Я вас задерживаю?

– Вряд ли это вы, – буркнул Карачаров. – Нужно вызвать капитана.

Он взглянул на Зою и повторил громче:

– Вызвать капитана! Может быть, у него есть причины медлить с посадкой – у меня их нет!

Зоя прищурилась; даже бестактность физика не испортила ей настроения.

– Это делается не так, – сказала она. – Постройтесь на шканцах и выберите предводителя. После этого можно пригласить капитана и устроить бунт.

– Голодный бунт, – уточнил Нарев. – Не пора ли завтракать?

– Да, – сказал Истомин. – Бунт в лучших литературных традициях.

– Мне не смешно, – хмуро заявил физик и шагнул к выходу.

В этот миг на пороге показался капитан. Он нашел взглядом Зою; она, не таясь, улыбнулась ему, и он ответил, но его улыбка была странной.

– Капитан! – сердито сказал физик. – Не можете ли вы сказать, когда мы наконец окажемся на Земле?

Капитан обвел пассажиров медленным взглядом.

– По всей вероятности, никогда.

Быть может, Устюг ожидал взрыва. Взрыва не последовало. После его слов раздался дружный смех; пассажиры восприняли ответ, как шутку – не самую, может быть, остроумную, но сейчас они были готовы смеяться даже не шутке – просто в ответ на одно лишь желание сказать смешное.

В этом не было ничего удивительного: в представлении любого пассажира невозможность попасть на Землю непременно сочеталась бы с аварией корабля. Однако пока ничто не указывало на неблагополучие: салон был освещен, воздух чист и парящие автоматы уже принялись накрывать на стол. Капитан же вовсе не походил на человека, только что устранявшего какую-то неисправность: по мнению пассажиров, Устюг в таком случае должен был предстать перед ними в рабочем комбинезоне, с тестерами и инструментами в руках.

Капитан не ожидал такой реакции; странно – от их смеха ему стало легче. Если бы ответом на слово «никогда» была

тишина, и вслед за нею налетел бы шквал негодования, ему пришлось бы оправдываться, теперь, напротив, предстояло доказать свою правоту не поверившим ему людям. А в такой позиции человек всегда чувствует себя увереннее.

Капитан оперся ладонями о стол и подождал, пока смех утихнет. Он лишь крепче сжал зубы.

– Быть может, никогда, – повторил он.

На этот раз нерешительно усмехнулась лишь Мила – и то скорее из вежливости.

– Как понимать вас, капитан? – спросила актриса. – Иносказательно? Или что-нибудь действительно случилось?

С ними случилась беда. Но в ней было много странного и даже, казалось, противоестественного. И прежде всего – то, что жизни людей, несмотря на катастрофический характер события, ничто не угрожало.

Корабль был новым, хорошо сконструированным и надежно построенным. Он не нуждался в снабжении чем-либо: энергию для движения и внутренних нужд «Кит» черпал из пространства, всегда пронизанного излучениями. Раньше люди гибли в пространстве от нехватки энергии, как жертвы кораблекрушения – от нехватки воды; будь на каждой шлюпке опреснители, смерть от жажды стала бы чрезвычайным происшествием: воды-то вокруг был океан! Так и с энергией; и теперь диагравитаторы давали кораблю возможность разгоняться в пространстве, расщепляя гравитацион-

ное поле и используя одну из его компонент, батареи конденсаторов Дормидонтова позволяли, мгновенно освобождая громадные энергии, совершать переход в сопространство и удерживаться там, а индукторы Симона давали энергию за счет внешнего электромагнитного поля. Управляемые компьютером синтезаторы в совокупности с устройствами механического отсека, производили и пищу на любой вкус, и новые детали механизмов взамен износившихся, синтезируя атомы любого элемента из любого другого или из элементарных частиц. «Кит» был как бы миром в себе и мог существовать и лететь до тех пор, пока существует мир – или, по крайней мере, пока в нем оставался хоть один человек, способный задавать программу синтезаторам и командовать ремонтной автоматикой.

Да, великолепный корабль, и людям в нем нечего опасаться: ни голода, ни жажды, ни даже отсутствия новых нарядов. Болезнетворным началам здесь неоткуда взяться, а климатизаторы поддерживают нужную температуру и влажность воздуха. Иными словами, человек мог бы, не пошевелив и пальцем, безмятежно дожить тут до своего биологического предела. А это означало, что еще не год и не десятилетия людям предстоит существовать в этой скорлупе, ни в чем не зная недостатка.

– Можно жить, – сказал Устюг и сделал паузу.

«Если только люди захотят!» – этого он не произнес вслух. Почему бы им вдруг пожелать смерти? У капитана на этот

счет были свои опасения. Он, как ни старался, не мог избавиться от чувства вины перед пассажирами. Люди доверились ему, чтобы он перевез их через немыслимые бездны пространства и доставил на Землю, а он не смог сделать этого. С мгновения, когда пассажиры взошли на борт «Кита», они отдались под власть капитана – но и на его ответственность. И хотя в том, что произошло, не было вины Устюга, совесть тревожила его и – он знал – будет тревожить до самого конца.

Устюг твердо усвоил, что человек – создание алогичное, и куда чаще, чем принято думать, руководствуется логикой «от противного». Он знал, что людям всегда чего-то не хватает, и опасался, что они и тут захотят чего-то, чего он не сможет им дать. Чего? Земли. Или твердого грунта любой другой планеты. Восхода солнца и белых ночей. Трав и рек. И тех, кто остался там, в большом мире. И...

Сознание невозвратимости всего этого способно заставить людей, чья жизнь может длиться еще десятилетия, умереть очень быстро. Зачахнуть. Завянуть. Или перерезать друг другу глотки в припадке внезапной и необъяснимой ненависти друг к другу...

Пауза затянулась, потом тишину рассек странный звук – это смеялся Нарев – как пилой по железу.

Только теперь капитан открыто взглянул на Зою. Самое тяжелое было выполнено, и капитану хотелось своим взглядом поддержать ее, оградить от потрясения, передать ей

свою уверенность в том, что все, чего лишились, они найдут один в другом.

Зоя отвела глаза, и капитан с горечью почувствовал, что сейчас был для нее не человеком, который ее любит, но представителем непонятной силы, независимо от желания Зои и всех остальных резко бесповоротно изменившей их жизнь.

Капитан ощутил, как взволнованную приподнятость, какую он только что испытывал, вытесняет холодная злость на разношерстную кучку людей, к которым принадлежала женщина, отказавшаяся понять его именно сейчас, когда это было очень нужно.

Как часто бывает, он не понял ее и не знал, что она отвела глаза лишь для того, чтобы он не увидел в них выражение торжества, какое испытывает женщина, поняв, что любимый человек по-настоящему нуждается в ней, и только в ней. Она просто испугалась откровенности своего взгляда, неуместного сейчас, когда все были подавлены свалившейся на них бедой, впервые ощутили ее тяжесть.

Капитан медленно обвел взглядом остальных. Он сказал все, что мог; ему противно было еще и еще раз повторять те же слова, как делают это иные в ожидании, что если не на третий, то хоть на пятый раз слова дойдут наконец до сознания слушающих и окажут воздействие. Капитан молчал. Остальное зависело от того, кто из пассажиров заговорит первым и что именно скажет. Сейчас люди могли повернуть к отчаянию – или к спокойствию, которое можно сохра-

нить и в самые тяжкие времена.

Если бы в салоне присутствовал администратор, он, наверное, нашел бы, что и как сказать. Но Карский лежал в госпитальном отсеке, под прозрачным куполом, облепленный датчиками и стимуляторами, окруженный специальной атмосферой, лежал без сознания, не зная ни того, что он лишился руки и ноги, ни того, что хрупкие, розовые зачатки новой руки и новой ноги, их костей, мускулов, сухожилий и нервов уже ясно различимы... Взгляд Устюга задержался на Нареве. Пожалуй, именно опытный путешественник мог бы помочь сейчас, отыскав в памяти какую-нибудь похожую историю, в которой люди вели себя достойно и терпеливо дождались заслуженного ими счастливого конца. Устюг чувствовал себя не вправе утешать и подавать надежды, которые могли не оправдаться, но он не стал бы возражать, займись этим кто-нибудь другой, и, может быть, подобная история утешила бы даже самого капитана, хотя кто-кто, а он знал, что счастливые концы достигаются вовсе не умением сидеть и выжидать.

Но Нарев молчал. Ему очень хотелось вскочить, что-то крикнуть, заставить всех повернуться в его сторону, добиться, чтобы вспыхнули их глаза... Но Нарев боялся, что стоит ему заговорить – и верх одержит его всегдашнее стремление отрицать, а не утверждать, разрушать, но не строить, поднимать людей скорее на драку, чем на работу. И путешественник промолчал, боясь в эти мгновения самого себя: он знал,

что дело серьезное, и что ни в панику, ни в истерику сейчас впадать нельзя.

Заговорила Инна Перлинская. Актриса из тех, кого запоминают зрители, и кто, начав с юности, всю жизнь проводят на сцене, естественно переходя к ролям все более зрелых героинь, Инна сразу почувствовала зал, настроение своих многочисленных на сей раз зрителей, и поняла, что сейчас важно, какие слова человек скажет, а вовсе не то, глубоко ли он убежден в справедливости этих слов, и ему ли принадлежит высказанная мысль, или давно уже стала общим достоянием.

Инна не умела заглядывать далеко в будущее и жила ощущением каждого мига. И сейчас в первую очередь почувствовала, что ее расставание с Истоминим, неизбежное на Земле, куда-то отодвигается. Это позволяло надеяться, что ее маленькое, нечаянное, и, быть может, последнее счастье окажется таким, какого она никогда не знала и о каком мечтала всю жизнь – спокойным и продолжительным. Актриса, как и остальные, не успела подумать, что она никогда не увидит Земли. «Никогда» для человека равносильно вечности с обратным знаком и, как и «вечность», принадлежит к тем фундаментальным понятиям, с которыми человек до сих пор не в ладу. Человек часто воспринимает «никогда» всего лишь как очень долгий срок, тем самым лишая это понятие присущей ему безысходности и категоричности. Впрочем, может быть, он и прав, потому что личное «никогда»

каждого длится не более, чем его жизнь – не так уж и много. Поэтому Инна ощутила вдруг покой и даже радость и, привыкнув испытывать чувства для того, чтобы делиться ими с людьми, не стала удерживать их в себе.

– О, конечно, – сказала она, привычно и незаметно для самой себя улыбаясь. – Но ведь... наверное, все это не так трагично? Я уверена, я чувствую, что мы спасемся. Земля никогда никого не оставляла в беде, правда? Помню, у нас была похожая пьеса... У меня сейчас такое ощущение, словно нам просто подарили еще несколько дней отдыха. Ну скажите, капитан, разве вы не уверены в том, что эти новые переходы, о которых вы говорили, спасут нас? Разве сомневаетесь в том, что они приведут нас обратно на Землю? Мне это кажется настолько логичным, что и тени сомнения не возникает.

Она глядела на Устюга, широко раскрыв глаза, которые все еще были наивными, девичьими, и привычно прятала руки, выдававшие возраст. Устюг помедлил; он полагал, что их шансы невелики, – так подсказывала интуиция, – но разве, в конце концов, он мог знать и предвидеть все?

– Ну, – сказал он, – безусловно, есть надежда...

Инна не дала ему договорить.

– Вот видите? – своим глубоким, профессионально поставленным голосом сказала она и потрянула черными колечками волос. – Что ж тосковать? Доктор Карачаров, Зоя, Мила, все мы ведь жаловались, что у нас вечно не хватает

нескольких дней, чтобы спокойно посидеть и понять что-то важное, или закончить работу, или побыть не одной. Нарев, вы же профессиональный путешественник, разве вам не интересно все это?

– Инночка, – сказал Нарев. – Я ведь не ропщу, мудрица! – он сам рассмеялся над этим словом и рассмешил всех. – И в самом деле, нужно ли разочаровываться в Земле и в нас самих? О, мы просто еще плохо знаем себя! Дайте время – и мы покажем!

– Времени, кажется, будет в избытке, – пробормотал Карачаров, но даже его воркотня не показалась мрачной.

– А вы доктор, настроены пессимистически?

– Да нет, – сказал физик. – Просто мне надо все это обдумать как следует.

– Конечно же! Думайте, держайте... Воспользуемся неожиданными каникулами, и – да здравствуют переходы!

На Земле и в полетах Мила вела дневник, как это бывает с людьми, не уверенными в том, что они могут все, без остатка, рассказать находящемуся рядом человеку – и будут поняты. Это зависит не столько от собеседника, сколько от самого человека, от его умения быть (или не быть) откровенным по-настоящему. Люди откровенные редко ведут дневники, а счастливые, кажется, не занимаются этим вовсе. Наверное, Мила не была счастлива с самого начала, хотя, быть может, и не сразу поняла это.

Привычке вести дневник она не изменила и тогда, когда Земля осталась далеко.

«Странные мы люди: то ли умеем так хорошо скрывать наши мысли, то ли все очень легкомысленны или легковыжны. Но, может быть, это к лучшему? Мы теперь дружны, как никогда, начинаем и заканчиваем день сообща, и не знаю, как все, но я чувствую себя прекрасно, сплю крепко, настроение все время хорошее. Мы все очень хотим нравиться друг другу, быть красивыми – не только внешне, разумеется.

Конечно, очень хочется работать, заниматься своим делом. По-настоящему это возможно только на Земле. И Юра... Представляю, как увижу его, обниму – и сердце начинает торопливо бежать куда-то. В такие минуты мне жаль Валу – он не может представить, что это за чувство. Впрочем, спорт отнимает у него все. Странно: то, что обогащает нас, в то же время и обедняет, не оставляя места для другого.

Сегодня, как обычно, день начался с зарядки. Мы вскочили по сигналу и, едва успев протереть глаза, собрались в зале. Было забавно: по утрам мы все выглядим растрепанными и немного очумелыми. И все равно это чудесно: на Земле и планетах люди лучше всего чувствуют себя в обществе, а не поодиночке, и мы тут должны придерживаться того же.

Зарядку сделали с удовольствием. Руководил ею, как всегда, Валя, форма – купальная. Это удобно, потому что сразу после зарядки ныряем в бассейн. Там не тесно – нас все-таки очень мало, даже для этого корабля, и, когда видишь, как нас

на самом деле немного, становится страшновато.

Брызгались, визжали, тянули друг друга под воду. Только капитан плавал очень серьезно. Плавает он хорошо. А у Нарева стиль точный, как у профессионального пловца.

Доктор Карачаров взобрался на вышку и прыгнул. Вынырнул рядом со мною, улыбнулся и сказал: «Господи, как хорошо: не жизнь, а блаженство. Как мне раньше не пришло в голову?...»

Это я слышала и от других. Петров доволен, что ему никуда больше не надо торопиться. Он сказал как-то, что всю жизнь ему приходилось спешить, и он очень рад, что может наконец жить мирно, сидеть в кресле, курить, а жизнь течет себе перед его глазами. Разве учителя всю жизнь так торопятся? Ведь учитель – почти что гид: сегодня он с ребятами где-то на энергоцентрали, завтра – на биохимическом комбинате, через неделю – на Луне... Но, конечно, Петров лучше знает, наверное, такая жизнь и в самом деле заставляет спешить. Мне вот тоже приходится ездить с места на место, но я задерживаюсь подолгу: с первых эскизов и до окончания работ, когда интерьеры не только спланированы, но и выполнены до последней мелочи.

Наш писатель, по-моему, не в себе, я уверена, что он никого из нас даже не замечает по-настоящему. Не думала, что писатели такие: они, по-моему, должны быть зоркими, наблюдательными. Правда, я не видала ни одной его передачи и ничего не читала. Нарев сказал, что как только Истомин

закончит свою книгу, он сразу станет таким же, как мы. К сожалению, книга его – о давно минувших временах. А интересно было бы прочитать про нас, например, чем все для нас кончится.

Зоя и капитан – когда они думают, что их никто не видит – смотрят друг на друга. Капитан глядит на Зою – ну, не знаю, как это назвать, наверное, как собака, которой положили на нос кусочек сахара и сказали «нельзя». Он смотрит грустно. А она... Порой, кажется, скрывает улыбку, иногда смотрит серьезно, но всегда – чуть снисходительно. Завидую ей – энергичная, самостоятельная женщина. Думаю иногда: как бы поступила она на моем месте? Так же или... Эти мысли стараюсь гнать: что сделано – сделано. Валя – добрый человек... Что, если бы Валя полюбил Зою? Глупая мысль. Но из них главной была бы Зоя. А у нас? Не знаю, почему Зоя и капитан скрывают свои чувства, такие прекрасные, друг от друга. Очень усложняют.

Зато у Инны все наружу. Она счастлива и осторожна. Даже на зарядку выходит, успев наложить тон. Для этого ей, наверное, приходится вставать на полчаса раньше. Она тоже говорит, что рада не бегать на репетиции и что впервые в жизни у нее такие вот свободные дни, когда можно заниматься чем хочешь. Она говорит, что от этого будет играть лучше – там, на Земле, конечно.

После зарядки и купания, как всегда – завтрак. Меня забавляют парящие автоматы, которые нас обслуживают. От

них идет приятный теплый ветерок.

Потом мы разошлись по каютам – заниматься своими делами, а экипаж пошел готовить корабль к переходам, после которых мы должны снова стать такими, как все люди. Я от скуки стала прикидывать, как бы я оборудовала нашу каюту, если бы пришлось остаться тут надолго. Зашел Нарев и очень хвалил эскизы – сказал, что я должна буду всем помочь в этом, если...

После обеда устроили концерт. Инна пела. Поет она хорошо. Голос еще молодой. Мы хлопали, ей это было очень приятно. Потом смотрели фильм. Я его видела когда-то на Земле, но здесь все смотрится совсем иначе. Тогда я решила, что картина страшно глупая, сентиментальная, там какая-то искусственная любовь и слащавые пейзажи. Теперь мне так не показалось, и остальным, наверное, тоже: когда картина кончилась, все долго молчали, ни о чем не хотелось говорить. Капитан был сердит. Он сказал, что надо использовать кристаллы с научно-популярными записями, это будет полезнее. Не знаю, так ли это.

Хотели навестить больного администратора, но к нему нельзя. Нам даже не говорят, что с ним, когда он успел заболеть. Тяжело болен – и все. Странно. Только Зоя имеет к нему доступ, но она молчит: врачебная тайна!

А послезавтра, кажется, опять заляжем в коконы. Проснемся, наверное, уже вблизи Земли, и страхи останутся позади – где-то тут, где мы сейчас».

Администратор глубоко дышал во сне. Каюта раненого – не место для того, чтобы искать руку женщины и держать ее в своей, и, забыв обо всем на свете, испытывать наслаждение от того лишь, что женщина тут, рядом, сейчас и навсегда, но капитан именно это и делал, и совесть не мучила его.

Зоя не отняла руки. Она только взглянула искоса и слегка покачала головой. Устюг кивнул в знак того, что все понимает, и они опять застыли у прозрачного колпака.

– Вот как получилось, – сказал капитан тихо.

– Он поправится.

– Я не о нем.

Зоя снова взглянула на него и отвела глаза.

– Земли не будет, и я по-прежнему капитан. Растерявшийся капитан, по правде говоря.

Сейчас в его голосе не было командирской непреложности, и Зоя обрадовалась тому, что он раскрылся перед нею: это помогало и ей самой преодолеть скованность, возникшую, едва они остались вдвоем; они знали, что должно произойти в самом скором времени, и не решались сделать первый шаг. Вслух Зоя не сказала ничего.

– Мы здесь, – сказал Устюг. – И деваться нам некуда.

На этот раз Зоя посмотрела ему в глаза взглядом, просившим не лгать ей.

– Если я соглашусь, – сказала она негромко, хотя оба знали, что она уже согласилась, – если соглашусь, то ведь надол-

го, и тебе придется терпеть меня навеки и до смерти. Так что подумай – стоит ли: потом тебе некуда будет деться от меня.

– Я подумал.

– На Земле было бы легче, там можно уйти. А тут...

– Это хорошо, – сказал он. – Тут ты не бросишь меня.

Она не удивилась этим словам, знала, что обладает чем-то, заставлявшим обращаться к ней так, словно ей одной принадлежало право решать: оставаться или уходить. Но сейчас она знала, что не уйдет.

– Не брошу, – произнесла она почти беззвучно.

Они стояли сейчас близко, очень близко друг к другу, и что-то толкнуло их сократить, совсем уничтожить это расстояние. Дверь пустующей каюты корабельного врача была перед ними, и трудно сказать, кто сделал первый шаг к ней.

Жажда оказалась сильна, и они пили, пили, пили, не боясь пресытиться, и кончики пальцев, касаясь кожи, говорили куда выразительнее, чем слова. Докторское ложе было узко, но сейчас они уместились бы вдвоем и на острие ножа. Прошло сколько-то вечностей, потом тихо запел блокер входа: кто-то стоял за дверью. Вспыхнул свет. Зоя безмятежно улыбалась, Устюг торопливо превращался в капитана, потом отворил. Там стояла Вера.

– Ну, что случилось? – спросил Устюг недружелюбно, загораживая вход.

– Наверное, весна, капитан, – невозмутимо сказала Ве-

ра. – Вас ищет инженер.

Он понял: все готово. Пришла пора.

– Ах, будь они... – пробормотал он, невольно радуясь и огорчаясь вместе.

– Да, капитан, – бесстрастно согласилась Вера, глядя мимо него – на Зою.

– Вот как... – сказала Зоя протяжно, веки ее чуть дрогнули. – Иди. Но не задерживайся...

Устюг улыбнулся: мужчинам часто нравится, когда ими командуют, потому что им свойственно в глубине души все-таки верить, что командуют они – древняя и прекрасная иллюзия... Устюг кивнул и ушел, а Зоя встала не стесняясь: нравится ей смотреть – пусть смотрит. Неторопливо привела себя в порядок, провела пальцами по столику, взглянула в зеркало.

– У вас нет карандаша?

У Веры, конечно, был; помедлив, она протянула блестящий стерженек. Цвет был чуть бледнее, но неважно – карандаш для губ был сейчас символом, верительной грамотой... Зоя улыбнулась:

– Спасибо... Не думайте: это – всерьез.

Вера нерешительно улыбнулась. Они стояли по разные стороны порога, потом Зоя переступила его и вышла в лечебную каюту, подошла к колпаку, где по-прежнему спал администратор, проверила нагрузку на стимуляторы, чуть увеличила мощность.

– Кальция не мало? – спросила Вера.

– У вас есть медицинский опыт?

Вера прислушалась: нет, голос Зои был ровен, насмешки в нем не ощущалось.

– Иначе меня не допустили бы к полетам. Водить врача оказалось ни к чему, но кто-то должен хотя бы знать аппаратуру.

– Как хорошо! – обрадованно проговорила Зоя. – На время перехода меня опять уложат в кокон, и я рада, что за больным будет врачебный надзор.

Люди всегда остаются чувствительными к уважению, какое им оказывается, и даже к лести – если она не чрезмерна. Вера деловито кивнула:

– Я приготовлю его к переходу.

Зоя улыбнулась девушке, и та ответила тем же.

– Устюг – хороший человек. Он редкий...

– Я знаю.

– Ой, – сказала Вера, – как здорово...

Шелестело. Едва слышно шелестело. Луговой повернул ручку усиления до предела. Вроде бы промелькнуло какое-то слово. Кажется, «море», а может быть, и не было слова, просто шумы сложились нечаянно во что-то похожее.

Да, наверное, это был просто шум, и никакие антенны, никакое усиление больше не могло помочь услышать голоса Земли, не направленную передачу – планета могла бы еще,

в случае везения, нашарить корабль, хотя вероятность этого была очень мала, – но простую, тот голос, каким Земля разговаривает со Спутниками, с планетами Солнечной системы, каким переговариваются корабли в Приземелье. Луговому и раньше в каждом рейсе приходилось слышать, как замирает, теряется в пространстве этот голос, но тогда он знал, что уходит не навсегда, что пройдет месяц-другой, – и слова опять возникнут в усилителе, и будут становиться все громче, яснее, и это будет первым признаком того, что Земля приближается. На этот раз нельзя было сказать, начнет ли когда-нибудь сокращаться расстояние, которое увеличивалось, увеличивалось с каждой секундой, и этому увеличению не было предела.

Слишком далеко ушли. Не слышна больше Земля. Все. Луговой выключил аппаратуру.

Все было готово.

Пассажиры спали. Вера включила противоперегрузочные и антиинерционные устройства медицинского отсека, убедилась, что все стабильно, надежно, и беспомощный человек под колпаком, наполовину рождающийся заново, не пострадает, что бы ни происходило за стенами каюты. Тогда Вера ушла к себе. Она привычно нажала педаль рядом со своей постелью, и постель поднялась, открывая подобие ванны, выложенной мягким. Вера разделась, легла, проверила, нормально ли поступает воздух, и с удовольствием ощутила, как

ванна колеблется, точно лодка на прозрачной и спокойной воде в окружении матовых лилий. Крышка медленно опустилась, и Вера глубоко вздохнула перед тем, как погрузиться в сон. Вздохнула, наверное, просто потому, что воздух в конце едва уловимо пахнул цветами.

Остальные трое членов экипажа собрались в центральном посту. Посидели, помолчали. Потом капитан сказал?

– Ну, пора.

Рудик кивнул и вышел. Через несколько минут он показался снова – на этот раз на экране. Все трое одновременно заняли места. Щелкнули механизмы. Центральный пост едва уловимо качнулся: теперь он свободно висел в системе конструкций корабля, удерживаемый лишь комбинациями электромагнитных полей. То же самое произошло и с инженерным постом.

Капитан прочитал показания приборов. Степень вакуума, кривизна пространства, напряженность полей – все соответствовало условиям.

Устюг выбросил катер, компьютер определил время, скорость и направление. Теперь катер не потеряется, когда они будут возвращаться назад. Потом Устюг включил автоматы и откинулся в кресле, спокойно глядя на экран.

Увеличивая скорость, «Кит» мчался в пустоту. В нужный миг Устюг нажал стартер батарей. Начиналось главное.

Вой перешел в область ультразвука. Мелкая рябь шла по переборкам, как по воде. Приборы лихорадило. Потом все

разом прекратилось.

За бортом снова была мгла, непроглядная мгла, и невидимый черный осьминог жил в ней и перебрасывал неподвижный корабль из стороны в сторону. Ощущения полета не было, но, словно при махе качелей, замирало под ложечкой и кружилась голова, падение это казалось непрерывным, только непонятно было, куда они падают: то казалось – вниз, то – вверх, и хотелось поднять руки и упереться в потолок, чтобы не удариться головой, а то еще они падали спиной вперед – но все стояло на местах, ни один предмет в центральном посту не шевелился.

Никогда еще они не готовились к переходу с такой тщательностью. Вот какой экипаж, думал Устюг с некоторым даже изумлением; первоклассный экипаж, с таким не стыдно летать. И штурман – пришел совсем зеленым, словно свежий лопух, а как нынче вывел в исходную точку – не придерешься! Если бы в прошлый рейс кто-то упустил за борт иголку, сейчас мы непременно наткнулись бы на нее; вот это точность...

Он взглянул на шкалы: стрелки стояли как нарисованные – ни малейшего отклонения, такой ровности и на Земле не каждый раз добьешься. Инженер любит поворчать, но и дело любит. В общем, совесть чиста: что могли – сделали. Расставили фигурки по всем правилам, и первый ход за нами. Посмотрим, какую судьба разыграет защиту. Посмотрим...

– Устюг, батареям нужна передышка, – доложил Рудик из

своего поста. — Хочу проверить ресурс.

— Ладно, — сказал капитан. — Выходим.

Подождав, пока восстановился запас энергии и зарядились батареи, «Кит» снова вломился в сопространство, и вновь спрут ворочал их, как хотел, а потом они вынырнули невдалеке от места старта, быстро разыскали катер, и капитан выпустил в него зонд-ракету.

Взрыва не произошло — корабль, как и катер, по-прежнему состоял из антивещества.

Рудик успокоил капитана: батареи в порядке, можно попробовать и еще раз. Может быть, теперь им больше повезет. Всегда ведь бывает так: не везет, не везет, а потом вдруг и получится.

Во второй раз они пробыли в прыжке почти сутки. Капитан приказал увеличить мощность на выходах аппаратов электросна, чтобы пассажиры в коконах не вздумали проснуться не вовремя.

Снова они нашли катер, и Устюг выпустил в него ракету. Рудик сердито пожимал плечами: мало того, что катер пострадал в Приземелье, его и здесь добивают. Инженер не любил, когда портили машины, а в результат, которого добивался Устюг, Рудик не очень верил: результат предполагал случайность, а инженерное мышление не уважает этой категории.

– Слушай, – сказал он затем. – Все нормативы превышены вдвое. Ты обязательно хочешь разболтать корабль до последнего?

Капитан провел рукой по лбу.

– Чепуха, – сказал он. – У меня все время такое впечатление, что мы где-то рядом, совсем рядом с тем, что нам нужно – и какой-то мелочи не хватает. Может быть, все дело в том, что мы стараемся, как и всегда, лишь удержаться в пространстве, а нужно пытаться воздействовать на него?

– Разве мы воздействовали при переходе с Анторы?

– Тогда сработало что-то, находящееся вне нас. Но сейчас оно не действует, и надо попытаться чем-то заменить его. Ну, как если бы мы находились в неустойчивом равновесии: толкни пальцем – и мы упадем в нужную сторону. Дело за толчком.

– И как же ты станешь толкать?

– Есть одна мысль. Как хочешь, а на твоей совести еще один прыжок.

Инженер вздохнул.

– Ладно. Один – это еще куда ни шло.

– Но уж чтобы это был всем прыжкам прыжок!

– Ты хорошо объяснил, – сказал инженер.

Рудик долго ползал по своим палубам, увешанный тестерами, индикаторами, щупами, дозиметрами, самодельными приспособлениями, которыми он один умел пользоваться.

Инженер доверял автоматам, но чутье подсказывало ему, когда следует увидеть что-то и своими глазами, потому что всякий автомат может лишь то, что может, а человек порой способен увидеть, угадать, почувствовать, унюхать и нечто большее. Временами, когда Рудик выходил в осевую шахту, чтобы, пренебрегая лифтом («Это для пассажиров, а нам не к лицу зря нагружать механизмы!»), попасть в соседнюю палубу, его ворчание, усиленное гулкой трубой – спинным хребтом корабля, – доносилось до центрального поста, где капитан все озабоченнее поглядывал на часы: приближалось время, когда придется будить пассажиров, потому что принудительным сном нельзя спать бесконечно, а анабиотических устройств на кораблях класса «А», за ненадобностью, установлено не было. Капитан ощутил облегчение, когда Рудик появился наконец в центральном посту.

– Ну, – сказал инженер, поигрывая чем-то вроде хромированного паука на длинном проводе, – мы готовы.

«Мы» означало – машины и он сам.

– Надо дать в прыжке полную мощность, – предупредил капитан. – Включая резерв.

– Ясно.

– Сможем?

Рудик накрутил провод на палец и задумчиво поглядел на паука, словно советуясь.

– В последний раз, – твердо проговорил он.

Они вошли в прыжок, разгоняясь с большим, чем обычно, ускорением. Так бросаются всем телом на запертую дверь.

Вибрировало все. Плохо закрепленная банкетка сорвалась и рыскала по центральному посту, как сеттер на охоте. Капитан и Луговой сидели, разинув рты, чтобы челюсти не колотились друг о друга. Что-то тоненько подвывало в осевой шахте, что-то шипело, как жир на сковороде.

– Надбавь! – прохрипел капитан, вцепившись в рычаги страхующей системы. – Отдай все!

Потом покой охватил их, и горячее прошло по телам, как будто они выпили по стакану крепчайшего зелья, и оно заставило сердца стучать быстрее, а головы – кружиться хмельно и приятно. В который уже раз мгла, где угадывалась бесконечность путей, кружила их и метала из стороны в сторону, и они падали во все концы сразу, оставаясь на месте, – так белка неподвижна в системе координат зрителя, хоть и мчится в то же время внутри своего колеса.

– Ну, – выдавил капитан, – была не была!

Он сделал то, на что нормально никогда не пошел бы: включил резерв батарей, выходя за пределы дозволенного риска. Вдруг да это повлияет на окружающее их соппространство, вдруг именно такого толчка им не хватает...

На миг они перестали падать. Странное ощущение возникло: все стало расширяться, предметы стремительно понеслись в стороны, кресла, влитые в пол, стоявшие рядом, стали, казалось, совершать одно вокруг другого сложные

движения, как двойные звезды... Капитан схватил Лугового за руку, чтобы чувствовать его неподвижность; штурман вырвал пальцы: чудила психика... Голова вдруг открылась, стала трубой, туннелем, что-то непрерывно несло через нее, вихрилось, выло, визжало, поток влек сталкивающиеся, взрывающиеся миры, а за ними надвигалось нечто безымянное и непостижимое, оно было уже близко, и вот сейчас...

– А-а-а!

Это был штурман.

– А-а-а!

«Это я сам», – успел подумать Устюг.

Теряя сознание, он рванул выключатели батарей, и настала темнота.

– Ну и вид у тебя, – сказал капитан Рудику, когда инженер припелся в центральный пост. – Ты взгляни в зеркало.

– Я тебя вижу, зачем мне зеркало. Значит, так. Батареи – вдребезги, только дым идет.

– Восстановить можно?

Инженер пожал плечами.

– Интересно, – проговорил он, – куда это нас выкинуло?

Капитан включил обзор, и они долго глядели на незнакомые звезды.

– Да, – сказал Луговой, пытаясь улыбнуться. – Отсюда, как говорили в одной передаче, хоть три года лети – ни до чего не долетишь.

Голос Лугового не понравился капитану. Он был как бы не от мира сего. Сейчас нельзя было остаться одному, отдаться на волю мыслей. Каждому требовалась опора, каждому предстояло поддерживать двух остальных, а тем – его, они, словно три карабина, составленные вместе, стояли надежно, хотя каждый в отдельности сразу упал бы. Капитан решительно встал.

– Может показаться, что нашей службой такое не предусматривалось, – сказал он. – Я говорю – предусматривалось. И когда мы шли служить в Трансгалакт, то знали, на что идем. Так что давайте подумаем и решим сейчас: потом не будет возможности.

Рудик подождал, потом кашлянул и сказал:

– Что решать-то?

– Справимся ли мы.

Справимся ли? Мысли инженера с самого начала были двойственными. Его мир заключался в корабле. У него не осталось близких на Земле и планетах. Через год ему предстояло уйти в отставку по возрасту, и это пугало Рудика: в противовес простому и ясному миру корабля, жизнь на любой, пусть даже самой малолюдной планете казалась ему чрезвычайно сложной, богатой всякими законами и правилами, которых он не знал или давно забыл. Ему не хотелось возвращаться к оседлой жизни, но чем дальше, тем более ощущал он на себе пристальное внимание Медицинской

службы и тех людей, что ведали летным составом. Так что сейчас он, с одной стороны, был недоволен тем, что случившееся не принадлежало к числу явлений, естественных для кораблей, и, следовательно, выходило за пределы его мира; однако, с другой стороны, Медицинская служба и прочие недоброжелатели остались позади, Рудик ускользнул от них и испытывал облегчение, как и всякий, освободившийся из-под надзора.

– Справимся, – сказал он.

Луговой усмехнулся.

– А если мы скажем, что не справимся – что изменится? Разве есть выход?

Луговой чувствовал себя нехорошо, хотя он не мог положить руку на лоб или грудь и сказать, что болит именно здесь. Людям бывает просто нехорошо, и они ложатся и умирают. Кроме того, штурман чувствовал себя ограбленным и обиженным, хотя никто не обижал его и ничего не пытался отнять.

Он и в самом деле лишился многого. Основа на которой до сих пор строилась его жизнь, рухнула. Основой этой был капитан. Луговой надеялся на капитана куда больше, чем на себя самого. И вдруг оказалось, что они равны, и Устюг так же не может найти выход из ловушки, как не под силу это самому Луговому. Рушился кумир; резекция кумира – это операция на сердце, после нее выживают не все. И пока капитан говорил, штурман тяжело раздумывал над тем, что авто-

ритеты – ложь, что верить нельзя никому. Только себе, своим глазам и своему разуму.

У него – он считал – отняли веру. Но это было не единственное, чего он лишился. И обида на капитана заключалась в том, что вещи, которые прощались капитану, пока Устюг был без малого богом Юпитером, нельзя было простить обычному, немолодому уже мужчине. Теперь казалось смешным – ожидать чего-то от человека, который в полете влюбился в пассажирку. Ясно было, что ни капитан, ни тем более инженер ничем не смогут помочь Луговому, не смогут вернуть его на Землю. С чем же следовало справляться, и чему это могло помочь?

Капитан холодно глянул на штурмана.

– Измениться может многое. Пока – может. Ты говоришь – выход? Смотря что считать выходом.

Выход был. Выход в никуда. Если они заранее признают, что не справятся с нелегкой задачей сохранения на корабле нормальной жизни, спокойствия, обычных человеческих норм и установлений, записанных в Уставе Трансгалакта, то лучше кончить все, не дожидаясь агонии, долгой и мучительной. Потому что если не справятся они, для кого полет был нормальным состоянием, а корабль – обычным жильем, то чего можно будет требовать от остальных, кто с самого начала смотрел на «Кита» лишь как на кратковременное при-

станции?

Кончить было просто. Запасы энергии в накопителях корабля были настолько велики, что стоило открыть, разом освободить их, и корабль вспыхнул бы радужным пламенем, перешел в свет, разлетелся бы по мирозданию со скоростью, недоступной воображению. Никто не успел бы проснуться, а на Земле ни один не стал бы оплакивать их: там это сделали заранее.

– Вот выход, – сказал капитан, – если мы не хотим бороться. Не соответствует морали? Но если мы люди – у нас одна мораль, если же мы отказываемся от всего тяжелого, что может ждать нас в будущем, то и мораль будет иной, потому что с этого мига мы перестанем быть людьми.

Прошло несколько минут, пока Рудик сказал:

– Не верю, что ты такого мнения о нас.

– Надо подумать, – ответил Устюг, – чтобы больше не возвращаться. Лучше поразмыслить еще: ведь впереди много лет. Как бы мы сейчас ни решили – решаем навсегда.

– Да что, – сказал Рудик. – Жить надо. И кто мы такие, чтобы решать за всех? Это ты призагнул, капитан.

– Я согласен с Рудиком, – проговорил Луговой.

«Впереди много лет, – думал он, – много лет. И не может быть, чтобы не было выхода, чтобы не найти его за целую жизнь. Капитан пугает нас, проверяет на излом. Но я теперь знаю, что он не сильнее меня, а значит – я не слабее его, и что

может он, могу и я. Выход где-нибудь есть, и я его найду».

– В общем, – заключил Рудик, – давай делать дело.

– Добро, – проговорил капитан. – Тогда – по местам. И будим пассажиров. Не думаю, что им снятся приятные сны.

Глава пятая

Огоньки сустились на панели синтезатора, как муравьи около своего жилища. В окошках счетчиков сквозили цифры. Потом раздался звонок. Обождав секунду, инженер Рудик распахнул створки. Из темного отверстия потянуло теплым, едким запахом, который через минуту рассеялся.

– Готово, – сказал инженер, извлекая из выходной камеры белое, округлых очертаний кресло, отлитое из одного куска пластика. Рудик поставил его на пол, критически оглядел, уселся, встал.

– В порядке. Еще одно?

– Два, – сказала Инна. – Всего их должно быть четыре. – Она улыбнулась. – Мы любим гостей. Только сделайте, пожалуйста, разных цветов. Красное, желтое – в пастельных тонах...

– Хоть десять, – сказал инженер. – Такую ерунду делать просто. Элементарный синтез. Вот, смотрите сюда. Здесь устанавливаете формулу, на этом пульте – структурном – находите нужный шифр...

Рудик смело вел себя с женщинами, которые, по его убеждению, никак не могли обратить на него внимание. Зато одиноким он опасался. По его словам, они были чересчур валентны.

– Спасибо, – не слушая его, произнесла Инна своим таин-

ственным шепотом. – Пойду звать на помощь: кресла ведь нужно еще и отнести. Это сделают мужчины.

Рудик пожал одним плечом, закрыл створки, нажал кнопку нужного красителя и включил синтезатор на повторение операций. Он любил когда в результате работы возникали какие-то предметы, они были реальным свидетельством инженерского могущества. Теперь такой работы хватало.

Синтезатор покончил с креслами, и инженер перестраивал его на металл, когда в отсеке появился капитан. Он подошел к пульту и стал поворачивать верньеры, помогая. Инженер нажал стартер. Свет мигнул, низкое, негромкое жужжание снова наполнило отсек.

– Все спокойно? – спросил капитан.

Рудик машинально вытер руки платком, сунул его в карман.

– Они все же молодцы, – ответил он.

– Ты считаешь, – произнес Устюг, – Будем надеяться.

...Пассажиры, наверное, и в самом деле были молодцами.

Узнав о том, что попытки осуществить обратное превращение антивещества в вещество при помощи нескольких переходов в сопространство, и обратно потерпели неудачу, пассажиры, вопреки опасениям капитана, не впали в отчаяние. Никто не забился в истерике, не поднял скандала и не потребовал крови. Наверное, где-то в подсознании пассажиры не только предвидели такую возможность, но и успели примириться с нею. И когда возможность стала печальной

реальностью, они приняли это, как подобало летящим в космосе – хотя бы и в качестве простых пассажиров.

– Что же, – сказал тогда Петров. – Бывает хуже. Мы живы – а это не так уж мало.

– Я бы сказал, что много, – подхватил Нарев, подавляя первый внутренний импульс, побуждавший его протестовать. – Стоит лишь подумать, что произошло бы, не разгадай Земля вовремя, чем грозит наша посадка. Бр-р!

Все невольно поежились, представляя. Инна положила руку на плечо Истомина и улыбнулась писателю:

– Теперь ты сможешь, наконец, спокойно закончить книгу.

– Да-да, – подтвердил он не совсем решительно. Инна сразу поняла его – не даром она была не только женщиной, но и актрисой, человеком творческим.

– Ведь главное – написать, правда? – сказала она. – Создать. Остальное менее важно.

Истомин улыбнулся, снял ее пальцы с плеча и поднес к губам.

Физик Карачаров отвернулся и скорчил гримасу: сегодня он был склонен отрицать женщин. Что они, в конце концов? Носительницы устойчивых признаков вида, не более того. Что сделали они в физике? Математике? Литературе? Живописи? Музыке? Технике? Если кое-где и можно найти по одному имени, то исключения лишь подтверждают правило. Женщины неспособны к абстрактному мышлению, и даже в

оценке людей они постоянно делают ошибки.

Он сердито посмотрел на Зою. Проследил за ее взглядом. Зоя не отрывала глаз от Милы. Молодая женщина была бледна.

– Вам плохо? – тревожно спросила Серова.

– Нет. Нет-нет. Все хорошо. – Мила перевела дыхание и даже улыбнулась. – Но мне хотелось бы чем-то заняться. Нам всем нужно что-то делать, правда? Пока мы еще не привыкли...

– Ну конечно же! – после секундной паузы воскликнул Нарев. – У нас бездна всяких дел! Прежде всего, раз уж мы будем тут жить, надо устроиться, как следует! И в этом мы, Мила, никак не обойдемся без женского вкуса и вашего совета специалиста. Капитан, у нас тут, если не ошибаюсь, двадцать четыре каюты?

– В первом классе, – уточнил капитан. – И тридцать две – в туристском.

– Оставим туристский, – отмахнулся Нарев. – И без того на каждого из нас приходится по три каюты – даже слишком много. Пусть каждый устраивается по своему вкусу – в двух, трех помещениях. Вы не против, капитан?

– Не возражаю.

– Может быть, и вы с вашими товарищами переселитесь сюда?

– Нет. Не поймите превратно: просто корабль требует наблюдения и ухода.

– Не стану спорить. Теперь нам предстоит распределить помещения в соответствии с желаниями каждого, сделать эскизы планировки, обстановки... О, друзья мои, у нас тут столько работы, что трудно даже представить, когда мы с нею справимся!

Все это было разумно, но Карачаров не мог согласиться просто так: должно же было в чем-то проявиться своеобразие его личности, а в физике здесь никто не разбирался. И он ворчливо проговорил:

– Надо работать! Я, например, не могу позволить себе отвлечься от главного.

– Каждый волен расходовать время по своему усмотрению, – согласился Нарев. – Но вы-то, Мила, не откажетесь?

Мила кивнула, но Нареву показалось, что она переживает случившееся глубже, чем остальные.

– А вы? – повернулся путешественник к Истомину. – Наверное, тоже захотите прежде всего заняться книгой?

Литератор, не ответил. Он стоял, машинально сжимая пальцы Инны. Наверное, он стиснул их слишком сильно: актриса осторожно высвободила ладонь. Тогда Истомин очнулся и обвел присутствующих рассеянным взглядом.

– Задумались? – улыбнулась Зоя. Она симпатизировала писателю, как и каждому, кто не пытался сделать ее жизнь сложнее.

– Нет... Собственно, да. Задумался о будущем.

– Это интересно, – весело сказал Нарев. – Как представ-

ляется грядущее человеку, наделенному богатой фантазией?
Истомин все так же отсутствующе взглянул на него.

Истомин был из породы запойных писателей, пробуждающихся после долгой спячки и работающих днями и ночами, с головой утонув в возникающей книге, чтобы потом, закончив ее, со вздохом облегчения снова задремать, отдавшись на волю событий. Сейчас Истомин вдруг почувствовал, как пустота, возникшая в нем, как только ему стало ясно, что возвращение на Землю откладывается до бесконечности, стала наполняться, как будто кто-то открыл шлюз. Все, что говорили вокруг, доходило до него как сквозь вату, застревало где-то в среднем ухе и не затрагивало мозга, который вдруг стал лихорадочно продуцировать картины будущего.

– Да надо ли? – проговорил он голосом, в котором нерешительность боролась с удовлетворением: слушатель, в конце концов, это уже почти читатель. – Все пока еще очень сыро... и следует ли задумываться о таких вещах? У меня это получилось нечаянно...

– Это необходимо! – прервал его Нарев. – Обмен мыслями и знаниями для нас необходим: ведь каждый из нас обладает чем-то, чего нет у других. Это всегда так, и каждый уходящий человек уносит нечто, чем обладал он один в целом свете. Мы все будем вечерами по очереди рассказывать – о своих мыслях, о пережитом, и о предстоящем, конечно, тоже.

– Хорошо, – сказал Истомин и вытянул руку, чтобы жестом отмечать каждую паузу и каждое ударение в своем рассказе – или, может быть, пророчестве.

...Истомин вышел из своей каюты и огляделся. Салон был пуст. Дверь на прогулочную палубу уже несколько лет стояла открытой: что-то разладилось, и никто не стал чинить механизм. Пластиковая обшивка салона от возраста потеряла цвет, стала шершавой, неприятной для прикосновения. Кое-где она отстала от стен, в некоторых местах порвалась, и в прорехах виднелся темный, холодный даже с виду металл.

Истомин помедлил, прислушиваясь. Двери остальных кают были затворены, из-за них не доносилось ни звука. Писатель знал, что большинство кают пустовало, населявшие их прежде пассажиры успели умереть. Их тела, как и все прочие отходы на «Ките», попали в утилизаторы, потом в синтезатор и теперь совершали круговорот в системе корабля. Оставшиеся в живых могли считать себя людоедами, но это не смущало их, а еще точнее – они об этом даже не думали. Одиночество, длившееся десятилетия, привело их к полному отупению, к утрате всяческих интересов. Невыносимо – изо дня в день, из года в год видеть все те же лица, слышать те же голоса и те же слова, всегда одни и те же. Раньше, когда пассажиры были моложе и энергичнее, это не однажды приводило к схваткам, в которых лилась кровь. Сейчас столкновений уже не происходило, но лишь потому, что люди боль-

ше не хотели видеть друг друга. Все свое время они проводили взаперти, и прежде чем выйти из кают, убеждались в том, что в салоне никого нет и можно пробежать туда, где была пища – единственное, что еще интересовало их в жизни, синтезатор, изготавливавший съестное, разладился от старости, и после смерти членов экипажа, которые одни что-то понимали в устройстве хитроумной машины, синтезатор все чаще производил такую еду, для которой в человеческом языке не было даже названия. В один прекрасный день в тарелках мог оказаться яд, который, в общем, состоит из тех же веществ, что и съедобные продукты. Сознание риска придавало жизни некоторую остроту. Когда же машина преподносила на завтрак, обед или ужин что-то совсем уж немыслимое, люди веселились так, что даже заговаривали друг с другом, как некогда на Земле – после премьеры или хорошей книги.

Впрочем, окажись и на самом деле в тарелках яд, никто не посетовал бы. Происходившее с ними нельзя было назвать жизнью, и вряд ли стоило бы горевать об ее утрате. Это было растительное существование, угасание, идиотизм. Когда-то люди что-то знали, любили и к чему-то стремились; но без употребления тупеет память, исчезает знание, угасают эмоции, а стремиться давно уже было не к чему: целей не было, и жизнь замкнулась в рамках биологического процесса. Если бы люди поддерживали отношения между собой, они давно признались бы, что ждут смерти, теперь же каждый при-

знавался в этом лишь себе самому. Наверное, им следовало приблизить конец, но нужно немало сил, чтобы решиться на самоубийство и выполнить решение. Сил не хватало.

Поэтому они жили. С годами, как это обычно бывает, память о давних событиях детства и юности все чаще вытесняла более поздние воспоминания, прорывалась на поверхность и разливалась, как лава, извергнутая из горячих глубин. Иногда люди принимали свои воспоминания за действительность, чаще всего это случалось, когда вдруг по какой-то нечаянной прихоти корабля, оживали экраны и начинал демонстрироваться фильм, всегда один и тот же, забытый в аппарате много лет назад – фильм, в котором была Земля. И люди оживали и с радостными возгласами выбегали из кают, но в унылом салоне холодная и почему-то сырая действительность (разладились климатизаторы) обрушивалась на них, и они, опустив головы, чтобы не видеть окружающих, возвращались в свои помещения, где аппараты внезапно выключались по той же прихоти компьютера, которая заставляла экраны осветиться после долгого перерыва.

Никто не знал, сколь долгими были эти перерывы. Счет времени был давно утерян. Возможно, где-нибудь в недрах корабля приборы и вели хронику полета, но не все ли равно, в конце концов, сколько длится полет и сколько продлится еще? Ведь всякий раз, когда хотелось спать (а времена суток давно исчезли, и каждый ел и спал, когда ему хотелось), можно было про себя надеяться, что сон этот на сей раз не пре-

рвется и плавно и незаметно перейдет в смерть. Избавленные кораблем от всяких посторонних воздействий, от голода и жажды, болезней и травм, избавленные от необходимости проявлять активность, действовать – люди теперь просили от жизни лишь одного: безболезненной, незаметной, мягкой смерти. Угасания, а не прерывания жизни.

Но корабль, каким бы он ни был старым и разлаженным, пока выполнял свою основную задачу охраны еще ютившихся в нем людей, так что – за исключением одного или двух, совсем опустившихся и ожиревших до последней степени, – его жители не могли рассчитывать даже на такое избавление от самих себя.

Тихая агония должна была тянуться еще долго...

Истомин, вышедший из своей каюты, не думал об этом: он давно уже разучился мыслить, забыл, что он литератор, не помнил, как пишутся книги, и даже назови его сейчас кто-нибудь по имени, он вряд ли откликнулся бы.

Он прокрался через салон, ступая по вытертому до основы ковру, потом по горбящемуся пластику. Ведущую из салона дверь он отворял осторожно, чтобы скрип ее створок не привлек внимания других обитателей корабля.

Наконец, он вышел в коридор. В руке он сжимал старую тарелку с выщербленным краем, давно не мытую и заросшую накрепко присохшими остатками еды. Он давно отказался от мытья посуды: это никому не было нужно. По-прежнему осторожно ступая ногами, обмотанными какими-то тряпка-

ми, по пояс голый, он прокрался вниз по лестнице и вошел в отсек синтезаторов.

Здесь было грязно, пол устилали осколки разбитой когда-то посуды и пятна от выплеснутой в разные эпохи пищи. Истомин приблизился к синтезатору, опасливо огляделся, поставил тарелку и нажал кнопку. Конец его длинной ключковатой бороды лежал на тарелке, и потекшая из патрубку каша залила бороду, но он даже не заметил этого.

Когда тарелка наполнилась, он поднес ее ко рту и жадно, через край, выпил кашу. Утолив первый голод, он налил еще одну порцию, чтобы съесть кашу на ужин, не выходя лишней раз из каюты.

Затем он повернулся, чтобы так же бесшумно возвратиться в салон, а оттуда – в свою берлогу и запереться там еще на сутки.

Повернувшись, он вздрогнул – в дверях стоял человек.

Это был, безусловно, один из оставшихся в живых пассажиров. Когда-то Истомин знал, как его зовут и кто он. Это давно забылось, и теперь литератор помнил лишь, что человек этот сильнее его.

У них не было никакого повода для столкновения, никакой надобности желать друг другу зла. Однако не только насилие рождает боязнь, но и страх дает начало насилию – а боязнь стала спутницей каждого из них, единственная из человеческих эмоций, еще не умершая в бывших людях. И оба знали, что раз они встретились тут, около пищи, столкнове-

ние неизбежно. В них говорил уже не рассудок, а инстинкт, который ничего не хотел знать о том, что недостатка в пище нет, что ее много, сколько бы они ее ни ели, и что еда останется и тогда, когда умрет последний из них. Инстинкту были недоступны логические умозаключения.

Не спуская глаз с вошедшего, Истомин стал отодвигаться вдоль стены, спиной к ней: он заметил в противоположном конце отсека вторую дверь, и понял, что может успеть к ней прежде, чем противник разгадает его намерения.

Тот и впрямь догадался слишком поздно. Он стоял, загоразивая собою выход в коридор, чуть пригнувшись и опустив напряженные руки. Глаза его исподлобья следили за каждым движением экс-литератора, ожидая подвоха.

Истомин поравнялся с дверью, сильно толкнул ее спиной и очутился в узком металлическом коридорчике, в противоположном конце которого начиналась такая же узкая лестница. Лишь в последнее мгновение противник с визгом кинулся за ним. Расплескивая кашицу, Истомин бросился вверх по лестничке. Но он понимал, что преследователь, чья тарелка была пустой, настигнет его, если только сейчас же он не наткнется на какую-нибудь дверь, которую можно будет запереть за собой.

Дыхание преследователя раздавалось уже совсем близко, шершавые пальцы скользнули по голой спине Истомина, но не смогли удержать его. Тогда убегающий обернулся и с силой метнул тарелку прямо в лицо преследователя.

Кажется, тарелка попала в переносицу. Нападающий зарычал и остановился, поднеся руку к глазам.

Истомин взлетел еще на несколько пролетов вверх и задержался, с трудом переводя дыхание. Противник скулил внизу, потом слышались его неуверенные шаги, все тише и тише: он спускался, отказавшись от преследования.

Писатель сел на холодную металлическую ступеньку и заплакал. Он остался без тарелки и знал, что новой ему нигде не достать. Теперь он сможет есть только около синтезатора, набирая кашицу в сложенные чашкой ладони. Ему придется выходить два раза вместо одного, и его рано или поздно подстережет и убьет этот самый человек, у которого были теперь серьезные основания для ненависти.

Истомин медленно поднялся и тыльной стороной ладони вытер слезы. Он почувствовал, как закипает в нем первобытная злость.

В конце концов, пусть преследователь был крепче, но сейчас Истомин сильнее. Он, кажется, повредил противнику глаза. Если бы найти оружие – какую-нибудь палку, дубину, – он еще успел бы застать противника около синтезатора, победить и отнять посуду. Или подстеречь любого другого и отобрать тарелку у него. Пусть гибнет слабый!

Истомин снова полез вверх. Лестница висела винтом и еще через два десятка ступеней привела его к закрытой двери.

Писатель отворил ее, вошел в просторное помещение и с

любопытством огляделся.

Здесь возвышались какие-то предметы. Несколько лет назад литератор, возможно, опознал бы в них устройства, служащие для управления мощными машинами корабля. Сейчас он уже не помнил этого и не старался вспомнить.

Он осмотрелся в поисках дубинки. Инстинкт подсказывал ему, что здесь можно найти оружие. И в самом деле, Истомин увидел его.

Это была железная палка, выходившая из пола рядом с какой-то тумбой. Палка выглядела внушительно и была выкрашена красным. Цвет наводил на мысль о бое и внушал храбрость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.